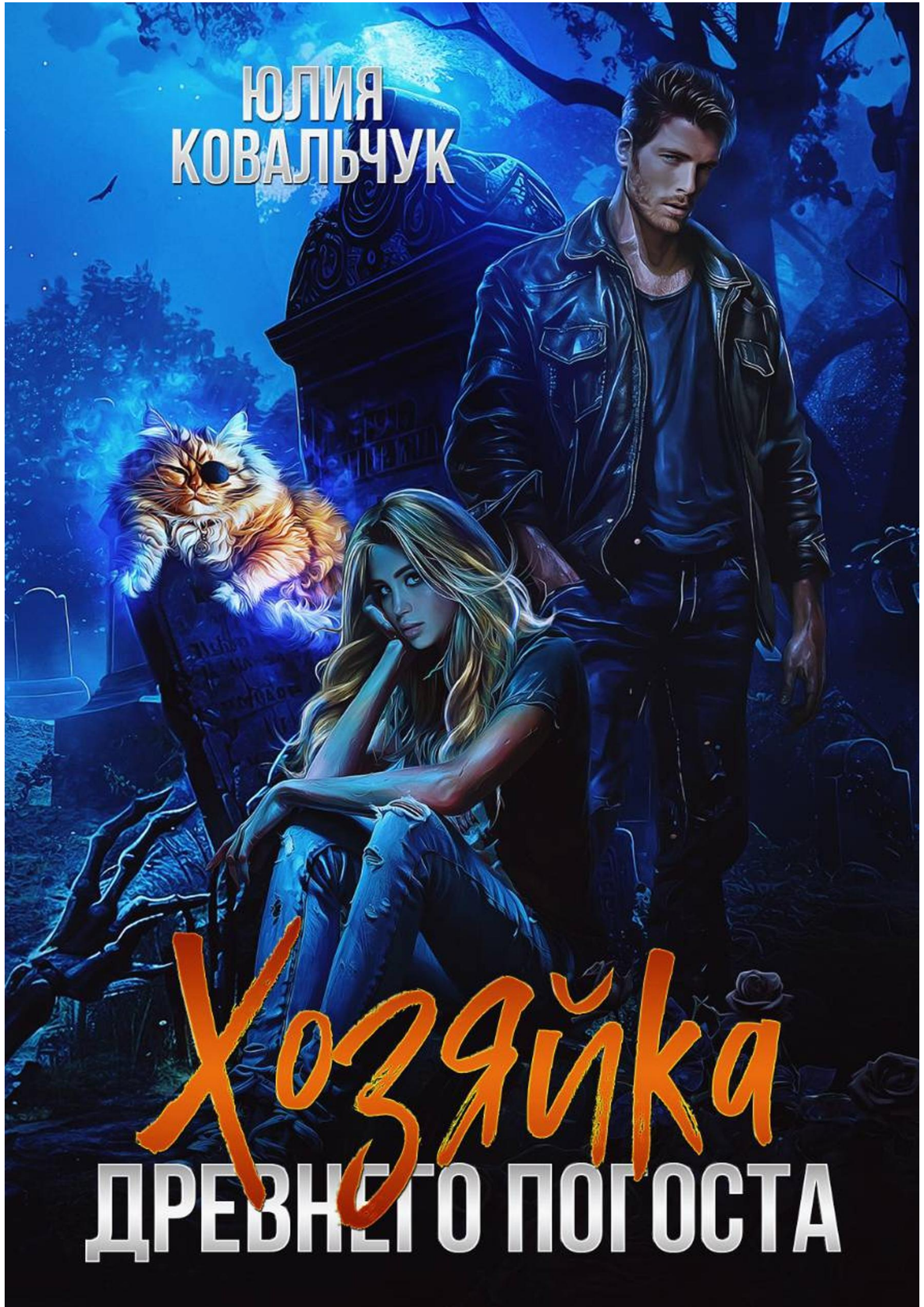

ЮЛИЯ
КОВАЛЬЧУК

Хозяйка

ДРЕВНЕГО ПОГОСТА

Юлия Ковальчук

Хозяйка древнего погоста

«Автор»

2026

Ковальчук Ю. Б.

Хозяйка древнего погоста / Ю. Б. Ковальчук — «Автор», 2026

Что делать, если в наследство досталось древнее кладбище? Первое: сказать спасибо усопшему дедуле. Второе: паковать чемоданы, и вперед — к могилам и призракам. Что делать, если на кладбище обнаружится свежий труп? Дать приказ копателям вырыть для него могилу. А если кладбище таит в себе древнюю загадку, которую пытается разгадать наглый, но очень обворожительный тип? Очаровать первой и выведать все его секреты! Это интересно! — Ну, дед, низкий тебе поклон за то, что оставил мне такой подарочек! Всю жизнь мечтала! Спасибо-спасибо! — А разве у котов не девять жизней? — Так то у живых, тупенькая! — протянул говорящий мурлыка.

Юлия Ковальчук

Хозяйка древнего погоста

Юлия Ковальчук

Хозяйка древнего погоста

АННОТАЦИЯ

Что делать, если в наследство досталось древнее кладбище?

Первое: сказать спасибо усопшему дедуле.

Второе: паковать чемоданы, и вперед — к могилам и призракам.

Что делать, если на кладбище обнаружится свежий труп?

Дать приказ копателям вырыть для него могилу.

А если кладбище таит в себе древнюю загадку, которую пытается разгадать наглый, но очень обворожительный тип?

Очаровать первой и выведать все его секреты!

ПРОЛОГ

Ночь. Полная луна озаряла погост с только что выкопанными черными ямами. Также ночное светило тускло освещало могилы, усыпанные свежими цветами, и надгробные плиты со старыми склепами. Было тихо и безветренно, но по-летнему прохладно. Пахло сыростью и плесенью. Где-то неподалеку, в лесной чащобе, слышались редкое уханье ночной совы, которая, проснувшись, вышла на охоту. Как раз в это позднее время, когда живая душа кладбище стороной обходит, между крестами двигались две фигуры в темных плащах. Головы силуэтов покрывали острые капюшоны, но было件нятно, что это мужчины. Один из них сутулился из-за физического дефекта — за правым плечом рос горб. Второй человек был высоким и худощавым. Несли мужчины лопаты и кирки; казалось, пришли они для того, чтобы кого-нибудь выкопать.

Однако этого они делать не собирались.

— Его точно светлые отцы на этом погосте схоронили? — закричал горбатый.

— Тебе же сказано было! — буркнул недовольно высокий. — Туточки он, только найти надобно, а уж тогда весь мир окажется у ног нашего хозяина!

— А если мертвые восстанут, что делать будем? Святая соль-то у нас уже закончилась, ведь столько могил окропили! — бубнил горбатый.

— Ш-ш-ш! Тише ты, всех призраков разбудишь! Кажется, пришли! — ответил высокий и остановился у мраморного склепа из белого камня с высоким шпилем, а на нем пятиконечная звезда, обращенная вверх — символ света и зари. — По описанию все сходится. Внутри зажжем факелы и приступим к делу! — продолжил приказным тоном.

— Что-то боязно мне, — застучал зубами горбатый. — Туман белый под ногами расстилается, по спине холодом веет, никак мертвяки проснулись!

— Не нагнетай, горбатый! Живых нужно бояться, а не мертвых! — усмехнулся худой и приблизился к входу в склеп. Только хотел он киркой нанести удар по медному замку, что висел на металлических кольцах и запирал кованые ворота, как остолбенел от ужаса. Предстала перед ним отвратительная картина: казнь его и горбатого чудовищем, что охраняет склеп. Видел худой своим алчным сознанием, как валяются их обескровленные тела, а в стеклянных глазах застыл неподдельный страх.

— Эй, худой! Ты что там застрял? Тут туман все гуще становится. Отпирай скорее замок, авось внутри не так страшно будет.

— Не пойдем мы дальше, горбатый. Смерть нас там ждет да поджидает!

— И кто из нас трус? Дай кирку! — Выхватил мужчина из рук худого инструмент да как взмахнет ним, как ударит по замку, тот и разлетелся на две части. — Пойдем, иначе хозяин с нас три шкуры спустит, если вернемся с пустыми руками, — ухмыльнулся теперь горбатый и, чиркнув огнивом, зажег факел. Пламя немедля озарило небольшую комнату, а потом от резкого порыва ветра быстро потухло.

— Чертовщина! — выругался горбатый и попробовал снова, но огонь и в этот раз потух. — Эй, худой, сквозняк тут гуляет. Ну-ка, прикрой факел руками, а я еще раз попробую. — В ответ тишина. — Худой! — Почувяв неладное, горбатый в сердце пропустил удар. — Ты где, Худо-о-ой? — Это было последнее, что успел произнести горбатый перед смертью. Вывод один: никогда нельзя лезть в чужую могилу, не будучи подготовленным!

ГЛАВА 1. ДАРЕНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ НЕ СМОТРЯТ

Гертруда Могильная, она же Гера по прозвищу Могила, получив диплом о высшем экономическом образовании, строила планы на будущую жизнь, где видела себя в качестве служащей столичного банка, а возможно, и заместителем начальника на крупном производстве, или же, на худой конец, менеджером в какой-нибудь захудалой конторке. Девушке с математическим складом ума не составило бы труда обосноваться в мегаполисе и двигаться вверх по карьерной лестнице, если бы не несколько но.

Во-первых, Гера обладала экстрасенсорными способностями, доставшимися ей по наследству от прапрабабки — графини Лукерьи Могильной, которая раскидывала карты Таро для всей богемной элиты того времени. Даже самому императору наговорила такого, что потом пришлось прятаться в провинции, притворяясь странницей до тех пор, пока сама императрица за нее словечко не замолвила. Умела гадать и Гера. Девушка искусно пользовалась своими способностями во благо своего кошелька, который редко оставался пустым за время обучения, ведь любопытство и интерес к будущему у женщин в крови, особенно если речь заходила о мужчинах.

Во-вторых, накануне вручения диплома Могила получила прискорбные известия о смерти родного деда, а еще завещание от него, в котором говорилось, что теперь Гера является полноправной хозяйкой родового погоста и обязана до конца своих дней оберегать могилы предков от вандалов и черных копателей. Еще должна ухаживать за кладбищем, а в особенности за мраморным склепом с высоким шпилем и пятиконечной звездой, однако входить внутрь саркофага строго-настрого запрещалось. Гера вспоминала страшные рассказы деда о странном склепе, мол, там живет существо, которое оберегает некую тайну, о которой усопший не упоминал, лишь говорил загадками: «Придет время, и все узнаешь, но тогда ты уже никогда не будешь прежней!» Могила всегда думала, что дед просто пугает, для того чтобы с ней маленькой ничего не случилось в то время, когда она гостила у него на летних каникулах. Большую же часть своей жизни Гера провела в пансионе для одаренных детей-сирот.

В-третьих, девушка прекрасно понимала, что ей в наследство досталось настоящее кладбище, от которого нельзя отказаться, ведь на то воля усопшего. Теперь нужно паковать чемоданы, и вперед — к могилам и призракам. Если бы было на кого переписать завещание, Могила это непременно сделала бы, но, к ее глубокому сожалению, наследник в роду оставался один. Спасибо дедуле! Сумел он даже на смертном одре посмеяться над своей внучкой, завещая древний родовой погост. Кому скажи — и не поверят. Вот если бы столичный особняк, а не поместье в захолустье или сундук с богатствами получить в наследство, тогда не стыдно было бы, а так...

Скомкав лист бумаги с печатью городского нотариуса, Гера швырнула комок в красный чемодан с вещами, резко закрыла крышку и мигом застегнула молнию, издавшую характерный звук.

— Ну, дед, низкий тебе поклон за то, что оставил мне такой подарочек! Всю жизнь мечтала! Спасибо-спасибо! — она цедила вслух, а после опрокинула чемодан на колеса и покатила его по комнате, а когда скрылась за дверями, на прощанье громко хлопнула дверью комнаты в столичном общежитии при университете.

Как же Могиле не хотелось покидать столицу империи Московию, где оставались большие надежды на будущее и клиенты, что готовы были платить за ее услуги, а также пара друзей — Никита Волков и креативная Мария Болотная. Они дружили еще с пансиона для одаренных детей. Никита в полнолуние превращался в волка, отсюда и фамилия, а Маша была внучкой старой болотной кикиморы. Да и вообще в Московии жизнь была своим ключом, в столицу империи попадали лишь счастливицы и избранные судьбы. Здесь люди жили бок о бок с разными существами, а полиция следила за тем, чтобы не нарушался между ними баланс и закон. Тут была работа, а также и различные развлечения. В самом же императорском дворце проходили званые приемы, и любой мог повстречать правящую семью.

Однако для Геры все летело к черту! Она стояла на автобусной остановке и ждала свой транспорт, как вдруг услышала позади:

— Решила слиться по-тихому, да, Могила?

— Ник?! — Гера и правда хотела уехать тихо, а потом сообщить, как устроится на другом месте. Да и вообще ей было стыдно признаться друзьям, какое наследство ей оставил дедуля. Вон Волкову досталась от предков квартира в столичной высотке, а у Болотной в банке хранился пусть небольшой, но золотой запас. — Машка?! — с удивлением ответила Гера, а после, опустив веки, убрала светлую прядь волос за ухо.

— Ты так всегда делаешь, когда что-то пытаешься скрыть! — заметила Болотная, она знала Могила как своих пять пальцев, и жест с волосами говорил именно о неискренности. — Так, и куда собралась, даже не попрощавшись?

— Я не хотела вас беспокоить, — оправдывалась Гера, — Волк вечно занят на службе в полиции, а тебе нужно самой устроиваться в Московии.

— Не ври, Могила! — вмешался Волков. — Хищным нутром чую, что у тебя что-то случилось.

— Случилось! — не выдержала Гера. — Я получила такое наследство, которое никому не пожелаешь! Родовое, старое кладбище! — Могила выпалила все как на духу, ведь смысла больше не было скрывать, поскольку эти двое не отцепятся, пока не узнают от нее всю правду. Никита присвистнул, а Болотная почесала затылок, зарывшись пальцами в зеленые волосы, стриженные под короткий боб.

— Ну ничего себе! — Сложив тонкие, накрашенные черной помадой губы в трубочку, Маша с удивлением выдала: — Значит, ты все время об этом знала, но никому не говорила?

— Я надеялась, что дед проживет долго и я успею попробовать себя в качестве экономиста. Построю карьеру, заведу наконец свою собственную семью, а в итоге что? Дед обрек меня на вечное одиночество, ведь какому нормальному мужику нужна баба с таким наследством? Это еще хуже, чем быть экстрасенсом. А когда все это присутствует в одном человеке? — Могила развела тонкими руками, а затем пристроила ладони на узкой талии. — Так что, ребят, не задавайте мне больше глупых вопросов! К тому же мой автобус подошел, поеду в провинцию к надоедливым призракам и безмолвным могилам!

— Хорошо, Гера, — выдал Волков, — но знай, что мы ради тебя готовы хоть на край света! Только позвони!

— Как там... Эм... Один за всех, — улыбнулась Болотная.

— И все за одного! — ухмыльнулась Могила и, поцеловав друзей в щеки одного за другим, она подхватила тяжелый чемодан и покатила его к большому автобусу.

Двери автотранспорта открылись на станции провинциального городка под названием Могильев. Название он получил все от той же графини Лукерьи Могильной, которая много веков назад пыталась избежать гнева императора. Тогда тут было всего несколько дворов и одно уголье, что впоследствии, после того как императрица попросила для графини помилования, пожаловали Лукерье, лишь бы она больше не появлялась со своим гаданием и предсказанием в столице. Сам император считал графиню ушлой аферисткой, но его суеверная супруга верила каждому слову, вырвавшемуся из уст графини. В общем, в наказание Лукерья получила целое селение, куда перебралась вся ее семья, включая четверых детей, немногочисленную прислугу, престарелых родителей супруга графа Всеволода Могильного, который был помещан на поисках древних артефактов. Правда, такое увлечение совсем не радовало гадалку, поэтому сам граф практически не бывал в этой провинции. Приезжал он так редко, что путал своих отпрысков по имени и все винил Лукерью в том, что графскую семью отослали из столицы восвояси. Однако свалившиеся на голову графини неприятности только этим трагизмом не заканчивались. Еще самодержец велел приглядывать за местным погостом (где в мраморном склепе лежал дальний родственник самого императора) до последнего потомка рода Могильных.

Гера недовольно ступила на родную землю и огляделась по сторонам в поисках такси, ведь ехать ей еще нужно на самую окраину города в старое поместье, что находилось рядом с провинциальным кладбищем. И пусть городок был небольшой, а все одно далеко топать на шпильках, да еще с тяжелым чемоданом, у которого то и дело заедало маленькое колесико. Жарища стояла невероятная, июнь щедро одаривал зноем и духотой, от чего Могила чувствовала, как крупные капли испарины скатываются по позвоночнику вниз, а шифоновая летняя блуза с глубоким декольте то и дело прилипала к телу, бессовестно облекая высокую грудь. Гера вдруг почувствовала на себе похотливый мужской взгляд и резко одернула легкую ткань, а затем глянула на нахала своими огромными зелеными глазами так, что тот испугавшись злого взгляда, мигом скрылся в толпе. Народ сновал по территории автостанции и задерживался лишь у рядом расположившегося провинциального рынка, куда стекались торгаши всей провинции. Гера была наслышана от деда, что только тут в Могильеве можно купить то, чего не купишь и во всей империи. Далее взгляд девушки упал на главную площадь городка, где в самом ее центре был возведен бронзовый памятник все той же графине Могильной, что считалась основательницей самого Могильева. Тонкий, изящный стан Лукерьи в длинном платье, с маленькой шляпкой на голове и кудрявыми волосами, достигающими талии, был выплавлен местным умельцем сразу после кончины графини. К памятнику приносились цветы в день основания города, и здесь же проводились все торжества империи.

Наконец Могила заметила белое авто с шашечками. Девушка откинула с плеча золотистую длинную прядь, подхватила непослушный чемодан и уверенно зашагала к единственному такси автостанции.

— Эй, такси! — окрикнула тут, когда увидела, как из авто выходит высокий молодой шатен, а на указательном пальце покручивает ключи зажигания. На ее окрик парень тут же остановился и перевел удивленный взгляд в сторону Геры, которая пыталась дотащить свой чемодан, но тот упирался как мог. Она предприняла попытку поднять тяжелую ношу, но вдруг ощутила, как пошатнулся ее каблук, а затем и услышала треск. В какое-то мгновение пришло понимание, что она вот-вот рухнет на землю, но крепкие руки таксиста резко подхватили ее, не дав распластаться всем телом на глазах у изумленной публики.

— Аккуратнее, дамочка! Куда ж вы так торопитесь? — насмешливый баритон прозвучал прямо у ее уха.

— Отпустите немедленно! — возмутилась Гера, удерживая равновесие. — На нас смотрят!

— Как прикажете, мадам, — проговорил таксист, выпуская Геру из своих объятий. — Я ж помочь хотел, иначе приземлили бы свой соблазнительный зад прямо на асфальт.

— Лучше чемодан возьмите и отвезите меня по адресу! — недовольно буркнула Могила, все еще ощущая на себе любопытные взгляды прохожих. — Мне в поместье Могильных нужно.

— Хорошо, я отвезу, не паникуйте! — Парень подхватил чемодан своей новой клиентки и потащил его к машине такси, думая о том, что он еще и в носильщики теперь записался. Могила же ковыляла позади и разглядывала широкую спину парня. Девушку вдруг посетила мысль о том, что таксист очень хорош собой, да еще и услужлив. На ее капризы практически не обратил внимания, вот что значит провинциальный сервис. Вскоре за ней громко захлопнулась дверь, а в лицо подул прохладный воздух климат-контроля, что был установлен в авто.

— Прошу прощения, я была груба! — выдала Гера, чем заставила таксиста удивиться.

— Да ничего, бывает! — постарался невозмутимо ответить парень, но вышло у него не очень. — Городок у нас маленький, вы надолго в Могилев?

— К сожалению, да!

— Почему к сожалению? Вот увидите, у нас вам понравится! — подмигнул таксист в зеркало заднего вида и нажал на газ. Машина двинулась вдоль автостанции, а затем и по главной улице города, в сторону поместья. — Кстати, меня Данилой зовут, а вас?

— Я Гера, если быть точной — Гертруда Могильная, но за Гертрудой могу и вклеить, так что лучше Гера, — пошутила девушка и наконец обворожительно улыбнулась. Да и сам водитель такси вызывал в ней некую радость и теплоту.

— О, так, значит, ты... то есть вы внучка Ивана Ивановича Могильного, а графиня Лукерья ваш предок?

— Именно! Если хочешь, давай на «ты» перейдем, не проблема, — выдала Гера, сняла туфли и уселась на заднем сиденье поудобнее.

— А ты на нее очень похожа, — Данила улыбнулся и снова бросил взгляд через зеркало на Геру. Она уловила внимание и замерла, глядя в синие, чистые глаза парня.

— Такая же надменная?

— Нет, такая же красивая!

— Не смущай и вперед смотри, еще ненароком в аварию попадем! — ответила Могила. Ей уже начинало нравиться в провинции, в которой она была последний раз лет так десять назад, еще двенадцатилетним подростком. Потом уже приезжать в этот городок желание отпало, ведь в столице с друзьями намного веселее, чем с угрюмым дедом на кладбище.

ГЛАВА 2. БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Капитан убойного отдела города Могилев, Тимофей Хмурый, сокращенно Тим, рассматривал очередной труп блудницы из местного дома терпимости Люсьен Комарской, которую так же, как и предыдущих жертв, убили на местном кладбище рода Могильных. Молодая женщина лежала в центре самодельного круга из крупной соли прямо у самого входа на погост, а в груди тела торчал клинок с каменной рукоятью. По плоскому животу от колотерезанной раны и до пупка была выложена дорожка из черных маленьких, одинакового размера камней. Белоснежные волосы Люсьен преступник разложил веером по земле, а руки с ногами широко расставил, от чего труп напоминал пятиконечную звезду, почти такую же, как на мраморном старом склепе в заброшенной части кладбища. Над головой Хмурого кружили два ворона и громко кричали, словно читали молебен по погибшей. По миловидному личику

проститутки ползала зеленая гадкая муха, а по бледно-синей коже сновали туда-сюда рыжие муравьи. Снова Тимофея посетила мысль о ритуальном убийстве, однако он не исключал версии и о маньяке, который с ювелирной точностью прокалывал сердца своих жертв и, видимо, до одержимости ненавидел женщин с низкой социальной ответственностью. Оттого дело № 503 получило название «Ювелир».

— Снова колотое проникновение в области грудной клетки, — констатировала факт Аделаида Жорова. Экстравагантная дамочка — судмедэксперт тридцати пяти лет, стройная брюнетка, имеющая настоящие профессиональные навыки в своей области.

— Да, — кивнул Хмурый. — Камни на трупе поменялись с янтаря на черный агат! — тут же заметил Тимофей.

Пятое убийство за последний год, совершенное на местном кладбище Могильных, подтверждало, что все эти преступления связаны между собой, однако зачем менялись камни на теле жертв, Тим до сих пор не понимал. Когда его — профессионала по нераскрытым преступлениям — назначили возглавить дело «Ювелир», капитан думал, что он справится буквально за несколько дней. Однако задержался в Могильеве уже на целый год, куда притащил непутевого братца, которого в мегаполисе приходилось то и дело вытаскивать из полиции за дебоши и драки. Хотя и в провинции родственник Хмурого особо не поменялся, а лишь добавлял головной боли старшему брату. Но сейчас капитан убойного отдела, забыв о брате, терялся в догадках о преступлении. Тим сопоставлял факты, проворачивал в голове все возможные комбинации, представлял себя на месте убийцы, но за год его пребывания в провинции это дело не сдвинулось с мертвой точки ни на миллиметр. Преступник действовал очень аккуратно, он не оставлял после себя никаких следов и малейших зацепок. Полный провал, только Хмурый не приучен сдаваться. Тимофея часто посещали мысли о том, что, возможно, убийца захакивал в местный дом терпимости, который содержал сын главы города Иосиф Орланский. Сам себя хозяин притона гордо называл Орлом, оттого и название у борделя было «Под крылом Орла», однако в криминальных кругах его знали как Ёсю Орлика, папашей которого можно всегда воспользоваться для прикрытия грязных дел. То есть у сыночка главы города имелась негласная неприкосновенность, на которую Тимофей Хмурый плевать хотел с высокой горы.

— Товарищ, капитан, что же это происходит, а? — взвыл Ёся Орлик, когда с трудом вылез из дорогого красного авто, куда со своим приличным весом, видимо, еле помещался. — Снова мою курочку убили! Мою любимицу Люсьен!

— Лейтенант, не пускать его! — грозно приказал Хмурый молодому полицейскому и только теперь понял, что вокруг собрались местные, возмущенные бездействием полиции жители, которых удерживала охрана.

— Что же это происходит, товарищ капитан? — выкрикнул кто-то из толпы. — Мы боимся на улицу выйти после заката! — продолжила женщина.

— Разве вы не обязаны защищать город, а? — сетовала толпа.

— Товарищ капитан, с ними нужно что-то делать! — выдал Антон Романов — младший по званию и завидовавший капитанскому званию Хмурого полицейский. Романов был местным и искренне не понимал, какого черта в Могильев прислали этого выскочку из столицы. Да еще капитан своего неугомонного братца с собой притащил, на которого запала Марго Норова — бывшая пассия старшего лейтенанта Романова. — Вы просто обязаны поговорить с жителями города! — хитро прищутив маленькие бесцветные глаза, продолжил Романов, при этом стерев испарину со лба, а уж затем надевая полицейскую кепку на блондинистую голову.

— Это место преступления! — строго выдал Хмурый. — Немедленно очистить территорию! — снова scomандовал капитан полицейской охране и примерно метрах в ста, а может и ближе заметил такси своего непутевого братца. Машина остановилась прямо у высокого серого дома Могильных. Это здание ему всегда напоминало замок какого-нибудь злого волшебника: темное, с маленькими окнами, по бокам возвышались толстые колонны, а на самом верху

крыши располагались каменные крылатые существа, походившие на грифонов, но если точнее — на гаргулий или же химер. Глаза от машины брата Хмурый не отводил, а затем увидел, как Данила вышел и галантно открыл дверь авто для какой-то дамочки в прозрачной шифоновой блузке и в обтягивающих, бежевого цвета бриджах. Стройная и изящная, с переливающимися на солнце светлыми локонами девушка, опираясь на руку его брата, кокетливо вылезла из салона такси. Они о чем-то разговаривали, о чем-то смешном, поскольку залихватистый смех незнакомой штучки надоедливо проникал в уши капитана. А потом все резко прекратилось, когда незнакомка увидела недовольную толпу, что собралась у кладбища. Она засеменила стройными ногами к месту преступления, а Хмурый нахмурился еще больше, поскольку глаз не мог оторвать от точеного стана девицы и от очень хорошенького лица незнакомки. Довольный Данила следовал за ней.

— Простите, что здесь происходит? — выкрикнула она и попыталась прорваться через оцепление. — Вы не имеете права меня удерживать! Немедленно пропустите! — настаивала дамочка. — Кто у вас тут главный? Я хочу видеть главного!!! — Тимофею ничего не оставалось, как выбросить красоту незнакомки из головы и включить серьезного полицейского капитанского ранга.

— Я тут главный! Капитан Тимофей Хмурый! Что вам нужно на месте преступления? — грубо выдал он.

— Я новая хозяйка этого кладбища — Гертруда Могильная! И да будет вам известно, что это моя законная территория!

Немного опешив, а затем придя в себя, Тим выдал:

— Этого еще не хватало!

Кладбище Могильных считалось заброшенным и старым, поэтому тут уже давно не хоронили, лишь изредка какого-нибудь столетнего старика или старуху, у которого именно здесь лежали близкие родственники. Однако совсем рядом с другой стороны, а именно слева от окраины городка, примыкал к старому кладбищу новый погост, отсюда и территория для захоронения как бы расширялась. Той стороной заведовала местная администрация города, а вот к Могильным никто не лез. Старики поговаривали, будто на заброшенном кладбище, в старом мраморном склепе со звездой, захоронена сама графиня Лукерья, которая при жизни продала душу дьяволу, поэтому ее труп охраняет настоящее чудовище. Такие же байки слышала от деда и Гера, девушка только теперь понимала, какие же эти страшилки смешные и наивные. Чего не скажешь о капитане убийного отдела полиции города Могильев.

— Ваши документы, дамочка! — отчеканил Тимофей.

— Я еще ваши не видела! Сначала вы покажите свой жетон! — возмутилась Могила, а затем выдала: — Ну что за хмурый тип, прям и фамилия под стать! Он хоть когда-нибудь улыбается?

Тим строго зыркнул глубокими синими глазами на Геру, словно удав на кролика. Могила на миг замерла и ощутила, что буквально тонет в этом омуте, который одновременно завораживает и пугает.

— Хм! — ухмыльнулся Тим и протянул Гере свой полицейский жетон, который считался в империи руссов признаком правового закона. — Ну что, убедились?

Гера лишь кивнула, а после, как будто под гипнозом, потянулась к дамской сумке и вытащила из нее свое удостоверение личности. Она снова подняла на Тимофея глаза и заметила над переносицей складку, которая говорила о том, что, видимо, мужчина много думает. А пока он изучал документ, Могила изучала Хмурого. Высокий, плечистый, хорошо сложен. Шатен, с синими, словно бездонное море, глазами, обрамленными густыми ресницами. Прямой нос, аккуратные чувственные губы, трехдневная щетина. Если бы не его характер, капитана можно

было бы считать ну очень обворожительным мужчиной. Кстати, Гера заметила, что Данила и этот хмурый тип походили друг на друга, словно были близкими родственниками.

— Данила, этот хмурый тип и ты — родственники?

— Тим мой старший брат! — шепнул на ухо Могиле таксист. — А что, сильно похожи?

— Да, только ты мне больше нравишься. Ты веселый и приветливый, не то что этот! — кивнула Могилла на Тимофея, которому уже порядком надоела столичная выскочка.

— Я попрошу выбирать выражения! — буркнул капитан и протянул документ Могиле, та быстро убрала его снова в сумку. — Пропустите! — приказал охране. — Только ее — хозяйку кладбища, а остальные пусть расходятся!

— Тим, можно и мне с Герой остаться? — выкрикнул Данила и жалостливо глянул на Хмурого.

— Нет! Всем покинуть место преступления, и немедленно! — выдал капитан, понимая, что его непутевый братец запал на эту столичную штучку, которая возомнила себя пупом земли.

— Гера, я тогда вечером заеду! — не унимался Данила. На что старшему лейтенанту Антону Романову было отрадно смотреть, ведь теперь этот наглец отстанет от его Марго.

— Тогда до вечера, Данила! — подмигнула Гера и двинулась позади капитана полиции, у которого были к новой хозяйке кладбища некоторые вопросы.

Тимофей Хмурый смотрел свысока на внуку Ивана Ивановича Могильного и надеялся на то, что ей от деда достанется хоть немного простоты и душевности. Однако он ошибался. У новой хозяйки кладбища не было ничего общего с недавно усопшим стариком. Наоборот, отчего-то у капитана возникла к этой девице неприязнь, возможно оттого, что Данила запал на Могильную, а может, она самому капитану понравилась. Хотя эти мысли Тим гнал прочь из головы, он уже был однажды влюблен, и ничем хорошим это не закончилось. Он знал таких столичных роковых красоток, а наступать на те же самые грабли ему совершенно не хотелось. Тут в Могильеве, слава Всевышнему, дамочки оказались попроще, понаивнее, видимо потому и попадались на крючок убийцы. Даже можно было бы сказать, что у местных блудниц глаз на клиента наметан, но тем не менее они добровольно шли в смертельный капкан. Летели, словно ночные мотыльки на огонь, не подозревая о своей скорой кончине.

— Значит, теперь вы новая хозяйка кладбища! — недовольно процедил Тим сквозь поджатые губы и еще раз окинул взглядом Геру, что наконец пришла в себя от чар капитана и поняла — внешность бывает обманчива. Это хмурый тип все еще глядел на Геру с неприязнью, отчего становилось и вовсе не по себе. Да и труп выбивал из зоны комфорта.

— Именно, капитан! Однако я вижу, вы не в восторге от этого! — Гера попыталась уколоть капитана как можно неприятнее.

— Скажите, — капитан проигнорировал слова Могилы, ведь ему было не до пререканий со столичной штучкой, — Иван Иванович перед кончиной вам ничего передавал?

— Например? — вопросом на вопрос ответила Гера. — Кладбище передал, будь оно неладно!

— Ну, я имел виду — никакого послания? Письма? Может, звонил?

— Нет! Мы с дедом были не в ладах. Я не хотела приезжать к нему в Могильев, а он за это наградил меня таким наследством, от которого дрожь по всему телу! И если это все, я бы хотела вернуться в свой особняк и отдохнуть с дороги, — спокойным тоном проговорила Могилла и бросила короткий взгляд в сторону трупа, над которым суежилась Аделаида Жорова — стройная экстравагантная брюнетка, что все еще кропотливо осматривала мертвую девушку. Рядом с ней находился высокий и худой полицейский, который все время пялился на Могилу, от чего у девушки возникло какое-то неприятное чувство, будто ее в чем-то подозревают.

— То есть покойный так и не успел вам сказать о том, что он помогал мне в расследовании дела «Ювелир»?

— Нет!

— Ну что же, как бы это прискорбно ни звучало для нас обоих, теперь вы займете его место!

— Что? Ну уж нет! Я не стану влезать в опасное дело, которое может угрожать моей жизни!

— Значит, вы — трусиха! Хотя Иван Иванович говорил об обратном!

— Что вы себе позволяете, капитан? — возмутилась Могила.

— Тогда убедите меня в обратном! Нам нужен магический дар, которым обладал при жизни ваш дед. Вы же учились в пансионе для одаренных, верно? — констатировал Тим. — Умеете раскладывать карты, видите ауру, возможно, даже призраков, а значит, сможете быть полезной мне и расследованию.

Могила сжала кулаки так, что кожа на костяшках пальцев сильно натянулась и побелела. Она не хотела быть одаренной и надеялась, что будет тихо и мирно приглядывать за кладбищем, а особенно за старым мраморным склепом, и изредка гадать местным по дешевке, но как же Гера ошибалась!

— Докажите, что вы достойный потомок Могильных, ведь ваши предки на протяжении веков служили во благо городу! — не унимался Тим.

— Вызов принят, капитан! — выдала Могила. — А теперь я хочу побыть одна и отдохнуть с дороги, можно?

— Можно! Завтра утром я буду у вас!

ГЛАВА 3. ДЕЛУ — ВРЕМЯ, А ПОТЕХЕ — ЧАС

Гера вошла в особняк, не только скрипя дверью, но и скрепя душу с сердцем. Жить в этом мрачном и большом доме, да еще и одной — участь незавидная. Она и в детстве это место не очень-то любила. Маленькой Могиле всегда было не по себе, особенно ночью, когда призрак одноглазого кота давно усопшей графини мешал спать и проказничал. И сколько Гера ни пыталась наладить с ним контакт — не получалось. Противный он был до жути. Теперь-то его, наверное, больше нет, ведь дед должен был отправить одноглазую живность к его важной хозяйке. Мысли о коте вылетели из головы девушки, когда она прошла парадную залу, где на обитых синим бархатом стенах в резных рамках висели портреты ее предков. Также настенные кованные бра в виде лилий напоминали Гере о том, как же тут все старомодно и мрачно. Особенно ей не нравились тяжелые, такого же цвета, что и стены, шторы, которые не пропускали ни одного светлого лучика через себя. Могила остановилась у массивной лестницы с резными перилами, сжала крепче свой чемодан и, скрипя уже половицами, с трудом поднялась на второй этаж в свою комнату, где ничего с ее уходом не поменялось. Деревянная дубовая кровать, шкаф из темного бука, трюмо и круглая люстра с лампочками, напоминающими свечи, тот еще отстой. И пусть она росла в пансионе, зато там спальня девочек была светлой. И главное, в приюте они жили вчетвером и рассказывали по ночам ужастики, смеялись над шутками и наивно радовались каждому прожитому дню. Однако детство давно прошло, и от этого делалось грустно. Могила открыла чемодан, нашла в нем банные принадлежности и двинулась в ванную, которая находилась в конце небольшого коридора. Она бы сейчас приняла душ, как, например, в столичном общежитии, но посередине средних размеров комнаты стояла огромная чугунная овальная чаша на ножках, в которую только нырять. Дед всегда говорил, что эта чаша осталась еще со времен графини Лукерьи Могильной, а посему она антикварная и имеет большую ценность. И как бы помпезно тут ни было, но запахи сырости и затхлости портили все. Девушка открыла кран, прошла по холодному кафелю к маленькому окну и распахнула

его. Свежий летний воздух мгновенно проник в санузел и немного расслабил недовольную новую хозяйку особняка и кладбища. Гера скинула с себя халат и погрузилась в теплую ванную, а пока отмокала, думала о хмуром типе и его вызове. Зачем она его приняла? Черт знает! Ей бы привыкать к этому месту, завести новых знакомых, а может, и ухажера, например, того таксиста Данилу. Парень молод, весел и чертовски хорош собой, особенно его русые густые волосы, достигающие плеч. С ним можно было бы сегодня немножечко покутить и погулять по городу. Как вдруг краем глаза Гера увидела, как промелькнула какая-то тень. Девушка настояжилась и откинула мысли о Даниле прочь.

— Кто здесь? — выдала Могила и схватилась за края чугунной чаши. За спиной громко рассыпались по полу стоящие в стаканчике на умывальнике зубные щетки, а открытое окно само по себе с грохотом захлопнулось так, что от неожиданности Гера подскочила на месте. — Кто ты? Ну-ка, покажись! — набравшись смелости, буркнула она. Девушка понимала, что в ванной не одна, а с потусторонним существом. Однако непонимание, кто оно, то существо, ужасно страшило. А затем резко задвигались шторы на карнизах. Они как бешеные ходили туда-сюда, от чего Могила и вовсе опешила. А когда на запотевшем зеркале начали появляться буквы, сердце девичье застучало так, что казалось, оно в груди отбивает чечетку. «Поди прочь!» — прочитала Гера на стекле, а затем медленно вылезла из пены, рукой дотянулась до махрового полотенца и только успела накинуть его на обнаженное тело, как ринулась к двери. За ее спиной снова громко стукнуло, а после что-то зазвенело, рассыпаясь по кафелю. Гера интуитивно, мигом и босиком, направилась к входной двери. Все-таки инстинкт самосохранения в этой ситуации обострился до предела, поэтому-то нужно было брать руки в ноги и бежать куда глаза глядят. Держа полотенце на груди, Гера резко распахнула дверь и увидела перед собой того самого таксиста. Она почти уперлась в его твердую грудь, а после на шаг отпрянула. Глянула на парня огромными испуганными глазами и еще крепче сжала концы махровой ткани.

— Отличный прием! — усмехнулся Данила и азартно окинул взглядом полуголую девушку. Гера увидела, как поменялся цвет его ауры с еле уловимого голубого на ярко-фиолетовый. Возбуждение. И хоть Данила обещал прийти утром, слово не сдержал. Ему хотелось провести с новой хозяйкой кладбища еще и вечер.

— Эм... на меня напали! — первое, что пришло в голову, выдала Могила. — Да, напали!

— Кто напал? — встрепнулся Данила и сжал кулаки, готовясь защищать даму своего сердца.

— Призрак! Это точно был призрак! — лепетала Гера.

— Хорошо! — уже тише произнес Данила, как бы пытаясь успокоить хозяйку кладбища. — Я с тобой, бояться нечего! Пойдем посмотрим на твоего призрака? — Гера закивала, она понимала, что ей срочно нужно одеться, иначе у Данилы цвет ауры еще не скоро побледнеет, а возбужденный мужчина — это потенциальный маньяк, поэтому не стоит его провоцировать.

— Тут никого нет, наверное, после того, как ты увидела труп у ворот кладбища, тебе просто что-то привиделось, — произнес Данила, когда искал нечто необъяснимое за старомодным умывальником с чугунной раковиной и потускневшим зеркалом, на котором было написано послание новой хозяйке. Однако в ванной комнате уже проветрилось, и оттого стекло снова стало прозрачным и отражающим. — Да еще к тому же ты познакомилась с моим строгим братом, а его натиск и напор никто не выдерживает!

— Это точно, вот где хмурый тип, да и фамилия прям под стать, — ответила Гера, все еще немного подрагивая от пережитого ужаса. Данила это заметил.

— У меня предложение! — выдал тут таксист, одной рукой зарываясь в свои густые волосы.

— Какое?

— Приглашаю тебя на прогулку по городу, — взъерошив немного затылок, продолжил Данила и глянул на Могила, словно ребенок, который пытается выпросить шоколадку. — Хотя тут городок и маленький, но есть очень даже интересные места! — Данила подмигнул, отчего Гере стало немного спокойнее. Да, ей непременно нужно развеяться, а веселый таксист — отличная компания, не то что этот дом с его тайнами и призраками.

— Ты прав, я быстро приведу себя в порядок, и поедем куда-нибудь! — согласилась Гера и глянула на молодого мужчину, у которого аура немного потускнела, но теперь в ней проскальзывали розовые блики радости. Наверное, из-за того, что ему не пришлось долго уговаривать девушку.

— Эм... я тогда внизу тебя подожду!

Гера кивнула и быстро направилась в свою комнату. Распахнула чемодан, подхватила бежевые короткие шорты и немедленно влезла в них. Затем натянула белую майку, а поверх нее накинула легкую рубашу, концы которой завязала на талии. Затянула волосы в конский хвост и выскочила из комнаты.

— Я готова!

— Тогда вперед, к новым местам?

— Ага, новым, правда, со старыми дырками. Я-то здесь все детство провела, так что больше тебя знаю этот городишко, — усмехнулась Могила и вышла сквозь галантно открытую Данилой дверь.

Как же была права Гера, когда вновь прогуливалась пешком по местному городскому парку с каруселями и качелями! Дед хоть и не часто, но приводил ее в это место, где Могила могла весело провести время. Взгляд ее задержался у фонтана, струи которого били из-под земли и устремлялись высоко в небо. Местная ребятня плескалась под теплой водой и громко смеялась, Гере даже немного взгрустнулось от нахлынувшего дежавю. Вдруг сильные руки Данилы сжались на ее талии, а затем в одно мгновение Могила оказалась рядом со смеющейся толпой ребятшек. Она немного опешила от такого детского поступка мужчины и, чувствуя, как намокает с каждой секундой, выдала: — Ты сумасшедший! Точно, сумасшедший!

— Есть немного! — широко улыбнулся Данила, показывая ровные белые зубы, а затем быстро оказался под теплыми струями рядом с Герой. А дальше все закрутилось и завертелось так, что казалось, Могила снова стала маленькой, а значит, можно немного и порезвиться. Она перескакивала между бьющими ключами, Данила за ней. Он пытался поймать девушку, но она ускользала. Им было весело. Ей было весело до тех пор, пока Гера краем глаза не увидела в наблюдающей за детьми толпе родителей знакомый силуэт.

— Дед?! — удивленно выдала она и резко остановилась. Смахнула с лица капли воды, попыталась разглядеть фигуру, но среди народа никого знакомого не было. Неужели привиделось?

— Гера, что с тобой? — удивился Данила смене настроения девушки.

— Нет, ничего! — мотнула она головой. — Просто показалось, — выдала Гера и быстро вышла из фонтана, так ей горько еще никогда не было. На душе скребли кошки, а в горле скопился комок скорби по усопшему родственнику. Хотя они и не были слишком близки, однако дед у нее до своей смерти оставался единственным родным человеком. После гибели родителей он стал ей опекуном и растил как мог. В уголках глаз сильно зажгло, слезы быстро скапливались, а затем, не в силах более их удерживать, Могила дала волю чувствам. Она сама не понимала, как и в какой момент оказалась плачущей на груди таксиста, что крепко обнимал ее одной рукой, а другой ласково проводил по мокрым волосам.

— Я видела деда! — всхлипнула Могила.

— Тебе снова привиделось! — тихо произнес Данила. — Это значит, что усопшего нужно помянуть по-взрослому. Тут рядом есть уютный бар, пойдем?

— Да! — стерев соленые капли, согласилась Гера и, несмотря на то что одежда была сырая, они направились в местный бар под названием «У Фонтанки», хозяином которого был все тот же Ёся Орлик.

Немного обсохнув и придя в себя, Гера уселась на мягкое кресло в летнем шатре бара и глядела на прохожих. Данила же ждал, когда девушка заговорит первой, молодой человек не торопил новую знакомую, пытаясь быть ненавязчивым. Рядом расположились за столиками еще несколько молодых пар, а в самом последнем — четверо неприятных мужчин. Правда, Гера не обратила на них внимания и проигнорировала чутье, а вот завсегдатаи бара, напротив, заметили новенькую и с ней таксиста. Могила была не одна и не беспокоилась. Вскоре на столике появились два бокала с холодным вином, экзотические фрукты и политый гренадином пломбир, уложенный по три шарика в креманку. Могила, не церемонясь, подхватила бокал и почти залпом опрокинула его в себя, ощущая, как по желудку растекается приятная, терпкая жидкость. Данила отхлебнул совсем чуток. Гера закусила выпитое долькой апельсина и ощутила расслабляющую негу.

— Ты как? — нарушил тишину Данила.

— В порядке! Просто... просто что-то нахлынуло, — ответила девушка и принялась за мороженое. — Раньше здесь, на этом месте, было детское кафе. Дед иногда приводил меня сюда, а я возможно, была к нему несправедлива.

— Жизнь вообще несправедливая штука, детка!

— Детка?! — удивилась Гера и улыбнулась. Она снова убедилась, что Данила светлый и добрый человек, возможно, в душе совсем еще ребенок, чего не скажешь по внешности. Таксист выглядел лет на двадцать семь, а вот его брату лет тридцать, не больше.

— А что? Если не нравится, могу так больше тебя не называть.

— Не называй! А то со стороны может показаться, что ты меня клеишь! — усмехнулась Гера.

— А ты против?

— Я пока в трансе от последних событий, что произошли в моей жизни, и больше нуждаюсь в хорошем друге, нежели в любовнике! — выпалила Гера, она всегда была прямолинейна, и это многим не нравилось. Эта черта ей досталась от деда, как и магические способности.

— Как скажешь! — немедленно согласился таксист. — Друзья! — С этим словом Данила выпил вино и тоже закусил долькой сочного апельсина.

— Вот и отлично! Я сейчас приду, мне в дамскую комнату нужно, — предупредила Могила, поднялась и двинулась между столиками к уборной. Как вдруг ощутила на себе неприятный взгляд, а затем последовал громкий шлепок, и жгучая боль застыла на ягодицах девушки. Громкий мужской гогот тут же резанул по ушам. Гере бесцеремонно шлепнули по попе, от чего она сначала опешила от такого хамства, а затем резко развернулась к толстому нахалу, что был одним из четверых типов, и залепила тому громкую пощечину.

— Как ты смеешь, коза драния! — завопил толстяк, пытаясь подняться.

— Сначала жир откачай, собака паршивая, и манерам научись, а потом вякай! — завелась Гера и уже было хотела броситься на всех четверых, как перед ней выросла широкая спина Данилы.

— Ну-ка, извинись! — грозно прорычал таксист, а затем послышался скрип стульев по полу. Четверо поднялись, один из них щелкнул раскладным ножом. А потом все было так, как не покажут ни в одном боевике. Таксист перевернул стол на разъяренных завсегдатаев, одному зарядил в челюсть мощным кулаком, толстяка пнул ногой, тот упал обратно в кресло, третьему досталось по голове стеклянной бутылкой. Крики. Шум. Гам. Полиция. Решетчатая створка, нары, а на них Данила с подбитым глазом и растрепанная Гера.

— Хорошо повеселились! — буркнул таксист.

— Однозначно! — ухмыльнулась Гера.

— Прекрасно, теперь ты, Даня, не один терроризируешь Могильев, а с поделницей, с новой хозяйкой кладбища Могильных! Поздравляю, вы — банда! — строгий голос заставил обоих узников поднять на капитана глаза, а затем опустить их в пол. Сказать хмурому типу Могиле было нечего. По его взгляду и серой ауре было понятно, что все равно не поверит.

ГЛАВА 4. ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС, ТЕМ БОЛЬШЕ ДРОВ

Лишь к полуночи Гера оказалась у дверей собственного дома, который пугал и настораживал. Когда они молча ехали в машине хмурого типа, девушка хотела попросить помощи, ведь оставаться одной в большом доме, да еще и с некой сущностью, страшно и опасно, однако от одного взгляда капитана не решилась и слова вымолвить. Тимофей высадил девушку прямо у высокого крыльца с колоннами и увез Данилу, которому явно достанется за то, что вступил в драку с самой охраной Ёси Орлика — сыночка главы города Могильев. И не то чтобы капитан боялся местной элиты, нет. Тим боялся за Данилу, поскольку такие головорезы, как те из бара, злопамятны. Могут жестоко отомстить, а ему сейчас не до разборок с хулиганами, когда трупы блудниц все чаще появляются на древнем погосте. Гера в этом понимала капитана, он волнуется о семье. Сама же девушка была как никогда одинока. Она медленно потянулась к дверной металлической ручке, немного задержала ладонь, а после и вовсе отказалась от этой идеи. Гера резко развернулась и плюхнулась на каменные ступени парадного входа в особняк. Могила подняла глаза вверх, залюбовалась полной луной, такой, что казалось, если захотеть, то можно ощутить прохладность огромного диска. Далее окинула взглядом освещенную фонарями прилегающую к дому территорию, на которой переливалась от тусклых лучей зеленая трава. Подальше стояли плодовые деревья, будто истуканы, а вдоль вымощенных камнем тропинок росли всякого рода цветы и невысокие кустарники. Любил усопший ухаживать за своим садом и растениями. Гера вспоминала, как они вместе с дедом очень давно посадили вон ту яблоню слева и ту грушу справа. Грецкий орех теперь достигал крыши дома, а когда-то деревце было совсем маленьким, впрочем, как и сама Гера. Снова ком горечи подкатил к горлу, больше она никогда не увидит своего строгого и странного деда. Вдруг далеко за кустами мелькнули несколько светящихся огоньков, а затем и вовсе они стали приближаться от кладбища к дому. Гера напряглась и уже было хотела наплевать на домашнего невидимого монстра да мигом залететь в дом, ведь встреча с маньяком будет поопаснее, чем с тем, кто в ее доме спрятался, но тут же успокоилась. Это был полицейский патруль, который несколько раз за ночь обходил вокруг погоста по приказу самого капитана. Могила облегченно выдохнула, поднялась и, набравшись смелости, наконец открыла дверь мрачного особняка рода Могильных.

— Тебе меня не запугать! — произнесла она вслух и щелкнула дверным замком. — Коли мне теперь жить в этом доме, значит, будем привыкать! — После этих слов наверху что-то громко свалилось на пол, Гера невольно подскочила на месте от неожиданности, а затем, взяв себя в руки, двинулась к лестнице. — Ну-ка, покажись!

На втором этаже вновь промелькнула темная тень. В этой части особняка все было скромнее, чем внизу. Светлая лепнина на стенах, на полу коричневая ковровая дорожка, по периметру квадратного коридора висели настенные бра, как раз у дубовых дверей. Тут было четыре комнаты, одна из которых принадлежала Могиле и исполняла функцию спальни. Еще спальня деда. Его кабинет. А четвертая комната выделялась под внушительных размеров библиотеку. Каких там книг только не было! Казалось, и всей жизни не хватит, чтобы прочитать их. Гера же, достигнув второго этажа, с опаской оглянулась и краем глаза увидела, а затем услышала, как громко хлопнула дверь библиотеки. После послышался характерный грохот падающих с полок книг.

— Ну, я тебе сейчас задам! — Гера разозлилась не на шутку и буквально ворвалась в комнату. — Если ты сейчас же не прекратишь и не появишься передо мной, я проведу обряд по устранению духов и отправлю тебя в самый ад!

— Мяу! — наконец Могила услышала кошачий голос. — Ты не посме-еш-шь! — протяжно прошипел призрак.

— Так, значит, ты все еще здесь, одноглазый и облезлый кот! А я-то думала, дед тебя к графине отправил!

— Ты ей не чета, смертная, ой не чета! — ответил призрачный котяра и наконец появился перед Могилой во всей своей рыжей красе и с черной повязкой на одном глазу. Еще в детстве этот неугомонный дух жирного кота напоминал Гере настоящего пирата, такого же беспринципного, зловредного и подлого. Сам же призрачный котяра любил проказничать, травить байки о той жизни, когда была жива графиня Лукерья, по его словам, сама элегантность и женственность. Еще графиня очень увлекалась книгами о пиратах, и когда у нее на пороге появился рыжий котенок без одного глаза, она не раздумывая приютила беднягу в особняке и назвала котейку так, как посчитала нужным.

— Ты на диете сидеть не пробовал, а Пират?

— Она мне не помогает! А ты вобла сушеная, тут долго не удержиш-шься! Я тебе жизни не дам. Отомщу за Ваню. Он ведь при жизни о тебе волновался, переживал, а ты неблагодарная, — прошипел снова Пират. — Я помню, как ты меня святой водой окропила, мне было так больно, что чуть не умер второй раз! Что посеешь, то и пожнеш-шь!

— А разве у котов не девять жизней?

— Так то у живых, тупенькая! — протянул говорящий мурлыка.

«Кому скажи о Пирате — не поверят, а то и в психушке запрут», — подумалось хозяйке погоста.

— Ну, все! — разозлилась Могила. Она знала, что у деда везде стояли бутылочки со святой водой. Протянула руку к полке и мигом открутила крышку. — Хочешь еще святой водички на себе испробовать?

— Сушеная вобла! — обзывался Пират. — Суш-ше-ная, — все дальше слышалось его шипение. — Я тебе... по-ка-жу... вобл...

После наступила такая долгожданная для Могила тишина. Она понимала, что этот Пират от своего не отступит; как и все коты, он навязчив и всегда добивается своего. Только не сегодня и не сейчас. Валясь с ног, Гера доковыляла до своей кровати и плюхнулась в постель, даже не снимая уличной одежды.

Тимофей был взбешен поведением брата. Мало того, что он вязался в очередную драку с головорезами Ёси, так еще в это впутал внучку покойного Ивана Ивановича, которая не должна была оказаться в том месте, в тот час. Гертруде Могильной нужно готовиться к завтрашнему дню, ведь именно утром капитану нужен здравомыслящий человек, а не зомби с погоста Могильных. Молодого мужчину злило еще и то, что он очень долго задерживается в провинции, когда давно должен был выполнить свое профессиональное дело и умыть руки. Конечно, покойный хозяин погоста давал Хмурому серьезные подсказки. Старик видел людей насквозь, был начитан и знал все о своих предках, вплоть до десятого колена. Как раз то, что капитану нужно от столичной выскочки, потому как магические и экстрасенсорные способности у Могильных передаются по крови рода.

— Ты когда-нибудь повзрослеешь, Данила? — недовольно буркнул Тим, когда они с братом вошли в небольшие апартаменты (всего пара комнат, санузел и кухня-гостиная), выделен-

ные местной полицией для командировочных. — Мне надоело быть твоей нянькой! — развел руки Хмурый и возмущенно продолжил отчитывать младшего.

Сколько он себя помнил, всегда забота о Даниле лежала на его плечах. Особенно тогда, когда они осиротели совсем еще маленькими и попали в детский приют. Там обоим было несладко, особенно Тиму, который все время опекал Данилу, иногда дорогой ценной. Об этом говорил шрам от ножа в боку капитана и пулевое отверстие в плече — подростки порезвились, отчитывалась тогда директриса перед комитетом о защите детей.

— Ты чего так завелся, Тим? — невозмутимо ответил Данила и плюхнулся на большой, обитый прочным коричневым дерматином диван. — Я вступился за прекрасную девушку, как средневековый рыцарь! Не в стороне же мне было стоять, когда хрупкая Гера бросилась одна на тех амбалов.

— Уже Гера! — закивал недовольно Тимофей. — Очередная интрижка? Я запрещаю тебе с ней общаться! — вдруг ни с того ни с сего выдал Хмурый-старший и сам себе удивился. Разве он может такое запретить собственному, уже давно совершеннолетнему брату? Данила резко поднялся с дивана и поравнялся с капитаном.

— Не понял?! — выдал младший и широко растопырил локти, упираясь руками в бока. — А может, ты сам запал на новую хозяйку погоста? Что значит — запрещаешь?

— Не говори ерунды! Хм... запал! — неуверенно ответил капитан и отошел от брата на несколько шагов. — Разговор окончен, иди спать!

— А ты мне не указывай! — огрызнулся Данила и снова плюхнулся на диван. Подхватил пульт от монитора и включил телевидение. Хмурый же махнул рукой и отправился в свою скромную обитель, где располагалась неудобная металлическая кровать, шкаф из светлого бука и такая же пара прикроватных тумб с настольными светильниками.

Данила пялился на картинку в экране и ничего не понимал из того, что транслируют. Мысли его были о Гере и о Тимофее. Молодой человек искренне не понимал, отчего вдруг старший брат решил сунуть свой нос в его личную жизнь, если только ему самому очень понравилась внучка покойного Могильного. А в это время на экране появилась бегущая строка от местного телевидения о срочной информации. Главная журналистка Марго Норова — чертовски привлекательная блондинка с выпуклыми формами и стройными ногами — появилась перед Даней с микрофоном в руке. Она вещала:

— Очередной труп девушки снова найден у древнего погоста Могильных. Это место горожане и так обходят стороной! Почему же полиция бездействует? О некомпетентности отдельных участников уголовного розыска многие наслышаны. Когда прекратятся убийства? И когда, наконец, жители города Могильев вздохнут спокойно? Пока что не ясно, у нас есть много вопросов к местным органам власти, однако на них нет ни одного ответа! — Марго замолчала, а на экране возник старший лейтенант Антон Романов — то еще местное недоразумение (так считал Данила), который осматривал место преступления. Даня подскочил и бросился в комнату брата, чтобы сообщить неприятную весть, а когда без стука распахнул створку, то увидел, как Тимофей что-то от него быстро спрятал в странную деревянную шкатулку, а затем ту самую шкатулку резво сунул под подушку. Однако Данила все заметил.

— Тебя стучаться не учили? — рыкнул Тимофей.

— А ты что там спрятал? — вопросом на вопрос выдал Данила.

— Не твоего ума дело! Что хотел?

— Там... там у кладбища новый труп!..

Хмурый оперативно прибыл на место преступления после того, как только узнал о нем из новостей. Старший лейтенант, будь он не ладен, уже успел натоптать так, что ни один эксперт ничего не обнаружит, кроме как отпечатки подошвы от служебных ботинок. Вообще, Тимофей не понимал, отчего в органах держат такого некомпетентного сотрудника, как Антон Романов,

а затем узнал, что тот приходится родным племянником подполковнику Глебу Антоновичу Романову — начальнику местной полиции. Пришлось Хмурому терпеть такое недоразумение, которое строило из себя настоящего профессионала. Романову хотелось быть первым и знаменитым, поэтому на каждый труп он в первую очередь звал Марго Норову. Таким образом можно было убить двух зайцев: засветиться на экране и попытаться вернуть бывшую пассию.

— Я изначально говорил, что все эти убийства совершает один и тот же человек, — отчеканил Романов то, о чем Хмурый и так знал. — Этот ужасный маньяк совсем озверел! Если бы я руководил делом «Ювелир», он уже был бы за решеткой! — язвил старший лейтенант, на что Тимофей снова отреагировал спокойно, поскольку знал о неприязни Романова к нему. Однако племянник начальника ошибался насчет этого преступления.

— Ада, что скажете? — нарушив молчание, спросил Хмурый у эксперта.

— Что тут скажешь! — Жорова поднялась и стянула резиновые перчатки. — Налицо алкогольное отравление. Видимо, напилась суррогатного пойла и отбросила копыта, — на жаргоне ответила эксперт. — Но нужен детальный осмотр органов, — уверенно продолжила Жорова. — Кстати — это местная звезда бомжей Танюха. Ей тридцать лет, ее мать моя соседка, живем на одной лестничной клетке. Таня давно пошла по наклонной, когда связалась с плохой компанией.

— Ясно! — кивнул Тимофей. — Оказывается, наш маньяк — зеленый змий, правда, старший лейтенант? Теперь у тебя есть четкие приметы. Дерзай, надеюсь, ты его быстро поймаешь! — невозмутимо выдал капитан, от чего Жорова еле удержалась, чтобы не засмеяться во весь голос. — Да, и еще. Можешь дать интервью своей подружке-журналистке о том, что ты почти взял преступника, ведь телевидение — это твоих рук дело! Хочешь казаться перед Марго профессионалом — у тебя появился шанс, не упusti!

С этими словами капитан двинулся к машине. Прошел мимо накрытого белой тканью трупa женщины, бросил взгляд на место предыдущего преступления, а затем отчего-то перевел глаза на особняк Могильных, что возвышался в трехстах метрах и в свете лунного света казался совсем зловещим. Тут же мысли перенесли Хмурого внутрь дома, где должно быть совсем одиноко и горько новой хозяйке погоста. Но Тимофей ошибался. Могила спала как младенец в своей обители и храпела, словно здоровенный мужлан. Хорошо, что только безглазый призрачный котыра Пират слышал этот надоедливый звук.

ГЛАВА 5. ВОЛКОВ БОЯТЬСЯ — В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ

Гера распахнула веки от назойливого звонка в дверь. Кулаками протерла сонные глаза, поднялась и раздвинула темные, не пропускающие свет шторы. Зажмурилась от ярких лучей, а после услышала громкий стук, словно по входной створке тарабанили огромными кулачищами, а возможно, и ногами. Спросонья девушке показалось, что что-то случилось. Могила быстро направилась к выходу, как вдруг совсем рядом мелькнул рыжий шерстяной комок. После у ног послышалось короткое истеричное мяуканье, будто Гера наступила на хвост животине. Могила машинально отскочила назад, споткнулась о свои лежащие где не нужно кроссовки и, потеряв равновесие, рухнула обратно на кровать.

— Хих-хи-хи! Мяу! — прозвучало довольное шипение Пирата.

— Ну, одноглазый, — Гера поднялась, — ты меня разозлил! Сегодня же отправлю тебя в на тот свет, к графине Лукерье. Надоел ты мне! — пригрозила Могила и на очередной стук быстро вышла из своей комнаты. Спустилась по скрипящим ступенькам вниз и недовольно распахнула парадную дверь.

Перед ней стояли двое. Хмурый тип в зеленых, цвета хаки брюках и обтягивающей подтянутое тело белой футболке. На плече у Тима висела тонкая черная ветровка. Вторым был седовласый невысокого роста мужчина в элегантном сером костюме и с резной тростью в руке.

Леон Львович Галицкий — старинный друг ее деда, а по совместительству давний коллекционер старинных предметов и артефактов.

— Дядюшка Леон?! — удивленно выдала Могила. — Хмурый тип! — недовольно продолжила. — Ну, и кому из вас так не терпится со мной увидеться?

— Гера, девочка! — лестно произнес дядюшка Леон. — Ты почти не изменилась, такая же прямолинейная, только чуть выше стала и превратилась в прекрасную молодую даму!

— Вы нас на пороге держать будете? — вмешался Хмурый и почти внаглую протиснулся между проемом и Могилой. Гера возмущенно прикрыла веки, а затем натянула улыбку и пригласила старика войти в дом. Тот, опираясь на трость, медленно вошел внутрь и остановился посередине просторного холла.

— Коли молодой человек пришел первым, уступаю ему место аудиенции у новой хозяйки погоста Могильных, — галантно произнес Леон Львович и медленно опустился в помпезное кресло давних времен, обитое темной золотистой парчой.

— Боюсь, что разговор у нас с Гертрудой Могильной будет долгим, а заставлять ждать я не приучен, особенно людей старшего возраста! — пробубнил Хмурый и уселся напротив Галицкого в такое же кресло.

— Тогда, может быть, всем кофе? — развела руками Могила и, не дождавшись ответа, последовала на кухню, чтобы поставить турку на плиту. Ей и самой сейчас не помешало бы взбодриться ароматным напитком, к тому же нужно было немного поблагодарить хмурого типа за то, что вытащил ее и Данилу из полицейского участка. Хотя вспоминать о том происшествии сейчас ей совершенно не хотелось. Однако думалось, что капитан пришел именно об этом и поговорить. Возможно, отчитать, ведь, по сути, это Гера втянула в драку с амбалами его брата.

Вскоре кофе было готово, Могила потянулась к старому, из красного дуба буфету. Вытащила три кофейных пары и стала разливать горячий напиток. Снова рядом мелькнула хвостатая тень, а затем показался и Пират.

— Тебе чего, призрак недоделанный? Пришел попросить прощения? — ухмыльнулась Могила, ставя на чугунные решетки газовой плиты турку.

— Вот еще-еще! — протянул Пират. — Негоже у холопов прощения просить. Я смотрю, ты в прислуги подалась? — язвил одноглазый.

— Всего лишь кофе! — буркнула в ответ Могила. — Можно подумать, у тебя хозяев не было, — выдала Гера. — Возомнил себя царем-императором! — прохихикала девушка.

— Эй, полегче, милочка! Это у блохастых собак хозяева, а у котов — исключительно при-слу-га! — в ответ прошипел Пират.

— Ну-ка, брысь отсюда, элита одноглазая! Не до тебя сейчас! — Гера фыркнула на призрачного котяру, а затем, поставив кофейные пары на серебряный поднос, вышла из кухни и прошла в парадный холл, где сидели два непрощенных утренних гостя. Она поставила поднос на низкий с резными ножками столик, подала одну кофейную пару Леону Львовичу, свою пару Хмурый взял сам.

— Слушаю, Леон Львович, — сделав глоток, произнесла Гера. — Чем обязана раннему визиту?

— Герочка, я пришел выразить свои соболезнования по поводу кончины твоего деда. Как ты знаешь, мы с Иваном были давними друзьями, — говорил Галицкий, с аристократизмом отхлебывая кофе. — Однако у меня есть к тебе еще одно важное предложение. — Старик сделал паузу.

— Какое же? — спросила Гера.

— Я бы хотел купить у тебя особняк Могильных и кладбище с заброшенной его частью, — выдал тут Галицкий, от чего Тимофей поперхнулся и громко закашлял. — Ну, сама подумай, зачем тебе, молодой особе, чахнуть в этой глуши, когда у тебя появится возможность жить

в столице и довольно безбедно? Я же помню, как ты была против становиться новой хозяйкой погоста.

— Хм... Простите, а вам это зачем? — не удержался Хмурый и задал прямой вопрос. То есть включились его профессиональные навыки. — Какая выгода? Что вы собираетесь делать с особняком Могильных и с кладбищем, особенно с его заброшенной частью? Я так понимаю, речь идет о мраморном склепе с пятиконечной звездой, где давно лежит тело самой графини? — сыпал вопросами Хмурый.

— Капитан, видимо, забыл, что мы сейчас не на допросе подозреваемого! — недовольно пробубнил Галицкий и поднялся, опираясь на трость. — Цифра за дом будет большая, Герочка. Я не тороплю с ответом, но думаю, что ты примешь верное решение, возьмешь деньги и заживешь так, как всегда хотела!

— Я подумаю, Леон Львович! — ответила Могила и поднялась, чтобы проводить гостя до выхода. — Возможно, вы правы и мне здесь совсем не место! До свидания! — Попрощавшись, она вернулась к Хмурому и недовольно на него глянула.

— Ты... То есть вы и правда продадите родовой особняк Галицкому? — сказал Тимофей и поставил чайную пару на столик.

— Для меня это было бы самым верным решением! А что?

— Ты не можешь этого сделать! — разозлился капитан и буквально вскочил с места.

— А, так мы уже на «ты» перешли?

— Не переводите разговор! — включился тут начальник. — Ты не сделаешь этого!

— Отчего же?

— Потому что Иван Иванович этого не хотел! Он надеялся, что именно ты станешь его истинной наследницей, — продолжил капитан, но уже более спокойно. — К тому же Галицкому нельзя доверять, они с твоим дедом давно перестали быть друзьями.

Для Геры, не знающей о последних годах жизни деда, это стало неким открытием, потому как она всегда думала, что Галицкий и усопший водили тесную дружбу. Хотя за время ее отсутствия все могло и поменяться, а не верить Хмурому у Могилы причин не было. Однако предложение старика очень заинтересовало девушку, поскольку она всегда хотела жить в столице, а вот становиться наследницей древнего погоста — никогда. Могила даже уже успела задуматься о продаже ненужного наследства, тем более что за него предлагали целое состояние. А вот Хмурый сильно был обеспокоен таким развитием событий, он расхаживал по холлу туда-сюда и изредка взъерошивал коротко стриженный затылок. Тимофей думал, что, возможно, он начал знакомство с наследницей не так, как следовало. Был груб. Только вот он не виноват, что у него суровый нрав, а таких столичных фифочек, как Гертруда Могильная, он видит насквозь. Таких волновало лишь личное благосостояние. Таких он называл эгоистами, а с эгоистами нужна особая тактика — выгода. Правда, предложить Хмурому было нечего, если только...

— Ты в курсе, что Иван Иванович оставил тебе предсмертное послание? — как на духу выдал Хмурый.

— Хм... и где же оно? — с недоверием буркнула Гера, собирая кофейные пары на поднос.

— В рабочем кабинете! К тому же вызов был принят, и ты согласилась занять место деда, чтобы помочь мне в расследовании дела «Ювелир». И еще последнюю волю усопшего нужно выполнить, иначе он не даст тебе спокойно жить, — говорил капитан, понимая, что ведет себя будто нянька из детского сада, уговаривая непослушных детей покушать манной каши.

— Сначала я хочу собственными глазами прочитать волю покойного, а то знаю я вас таких, которые по головам пойдут, лишь бы добиться своего!

В кабинет Ивана Ивановича Гера вошла первой, капитан за ней. Девушка окинула взглядом небольшую комнату с маленькими окнами, зашторенными плотными шторами, и поняла,

что ничегошеньки тут не изменилось с последнего ее визита. Также у стены стоял тяжелый, покрытый темным лаком письменный стол. Рядом с ним мягкое, с высокой спинкой кресло. Параллельно окнам располагался длинный настил с полками, где пылились старинные книги и документы с папками, а еще бумажный архив кладбища с именами и датами захоронений. Круглая люстра свисала прямо в центре, а над столом, на стене, специальные светильники-бра, свет от которых падал именно на столешницу, чтобы лучше видеть. Девушка быстро прошла к окнам, раздвинула шторы, пропуская в кабинет яркий свет, а затем распахнула и сами створки. Свежий воздух постепенно заполнил комнату, в которой Гере было немного неуютно, будто она вернулась в детство, а тогда дед запрещал ей входить в святую обитель. Он подолгу закрывался тут и занимался какими-то своими делами.

— Ну, и где послание? — Гера задала вопрос и глянула на капитана, который был серьезнее некуда. Хмурый тип напоминал ей статую, у которой выражение лица никогда не менялось. Правда, Гера признавала, что капитан очень обворожительный мужчина. Вот бы его улыбку увидеть.

— Прям тут! На столе! — ответил мужчина. Могила перевела взгляд туда, куда кивнул Тимофей, а когда подошла ближе, то увидела карту древнего погоста Могильных, где на ней был выделен красным маркером мраморный склеп с пятиконечной звездой — усыпальница самой графини Лукерьи.

— И что это значит? — недоумевая, выдала Гера.

— Это значит, что там есть нечто такое, что может погрузить весь мир во мрак! Этот склеп — не детская страшилка. Чуть более года назад, мы обнаружили рядом со склепом два мужских тела. Их лица даже мне вспоминать страшно, на них застыл такой животный ужас, что волосы на голове зашевелились тогда не только у меня, но и у твоего деда. Однако усыпальница графини таит в себе не только опасность, но и баснословные сокровища, так сказал Могильный перед смертью, — Хмурый решил соблазнить девушку, мнение о которой сложилось в его голове не лучшим образом. Он считал внучку Ивана Ивановича меркантильной особой.

— Что-то я про сокровища никогда не слышала! — удивилась Могила.

— А зачем твоему деду рассказывать о них, когда то были лишь его догадки? Он хотел лично найти клад графини и передать его тебе в наследство.

— Значит, Галицкий тоже догадывается о сокровищах графини, поэтому хочет выкупить все разом?

— Думаю, да! Тут теперь тебе решать: продавать кладбище или же самой стать самой богатой женщиной империи!

Могила и правда задумалась: что, если хмурый тип прав и дед действительно обнаружил клад графини? Тогда Галицкий, догадываясь об этом, мог послать тех двоих бедняг, что отбросили копыта, чего-то так сильно испугавшись. Любопытство мигом вспыхнуло внутри Гертруды, она, как и ее предок графиня Лукерья, обладала авантюрным характером.

— Убедил, капитан! Но если в склепе ничего нет, я продам это проклятое наследство, поселюсь в столице и навсегда забуду об этом городе!

— По рукам!

Могила еще раз окинула взглядом комнату, прошла им по столу, где стояла чернильница, а рядом с ней лежало стальное перо (любил Иван Иванович использовать древние предметы письма), и уселась в кресло деда. Провела руками по обитым бокам и на миг представила, как в нем сидел старик. Наверное, он был серьезен и взволнован, когда перебирал давние документы, связанные со склепом. И возможно, аура деда отсвечивала бледно-зеленым светом, именно таким, каким сейчас сияла она у хмурого типа. А пока Гера рассматривала ауру Тимофея, он снова и снова изучал пометки, сделанные усопшим на подробной карте погоста Могильных. Капитан знал, что попасть в склеп можно только через старый вход со стороны

лесопосадки, которая тянулась длинной, густой полосой между кладбищем и автотрассой, что вела в центр города. Однако металлические высокие ворота всегда запирались, и попасть через них можно, если только применить сварочный аппарат, чтобы разрезать профлисты, но ограждение с той стороны не повреждено. Еще один вход был сбоку, уже со стороны небольшого поселка под названием Бор, который располагался на самой границе города. Там Хмурый тоже не нашел никаких следов проникновения на погост Могильных. Тропинка в этой части заросла высокой травой и не была примята. Оставалось одно — попасть к склепу можно было только через центральные ворота, мимо кирпичной сторожки. Именно так и поступили те двое, трупы которых обнаружили год назад у мраморной усыпальницы графини Лукерьи. И хотя Борис Гордеевич, мужчина шестидесяти лет, среднего телосложения, утверждал, почесывая лысое темечко, окруженное редкими седыми волосами, что никого не видел и ничего подозрительного в ту ночь не слышал, капитан догадывался, что сторож был в стельку пьян, отчего и потерял бдительность до утра. Так же сам Борис Гордеевич, а сокращенно Гордеич, так его называли местные, очень боялся потерять работу, оттого и пытался тщательно скрывать пустые бутылки — следы преступления — от работодателя и полиции.

Именно поэтому капитан и приставил двоих патрульных, чтобы те следили не только за древним погостом, но и за новым, которое принадлежало администрации города.

— Капитан! — голос Геры отвлек Хмурого от мыслей. — Кто даст мне гарантии, что со мной ничего не случится, пока я остаюсь в этом городе? — девушка задала вопрос и машинально открыла первый ящик стола из трех боковых. — Ну, в Могилеве завелся серийный убийца, а я как раз таки нахожусь рядом с опасным местом, — мелодично продолжала Могила, а сама в это время рылась в каких-то бумагах, что были внутри. — Я тоже девушка, к тому же еще одинокая и совершенно незащищенная. — Тут Гера подхватила черный, в кожаном переплете блокнот и только хотела открыть его, как вдруг услышала невообразимое.

— Я могу сторожить тебя ночью, — невозмутимо предложил Тимофей.

— Что? — опешила Гера.

— Обещаю, что приставать не буду! — сухо буркнул капитан, все еще продолжая пялиться на клочок бумаги, а не на возмущенную Гертруду.

— Ты серьезно? — В этот момент она раскинула руки, совершенно завыв о блокноте, что удерживала пальцами. Тот ненароком выскользнул и, упав на стол, задел чернильницу, а та в свою очередь мигом опрокинулась на Тимофея и заляпала капитану белую футболку. Хмурый резко вскочил, сжал кулаки, а затем подушечками пальцев схватился за край одежды, отодвинул испачканную ткань от рельефного тела и строго глянул своими синими глазами на Могила. — Упс! Я не хотела! — быстро пролепетала она и готовилась уже к очередному недовольству капитана, но от этого ее спас громкий стук в дверь. — Я пойду открою? — Тимофей поджал губы и зло кивнул. — Ты можешь поискать себе что-нибудь в комнате деда, ванная там, слева от кабинета! Ну, найдешь! Мне вниз нужно! — залепетала Гера, пока быстро двигалась к двери. А когда она хлопнула створкой, то несколько раз чертыхнулась на свою неуклюжесть и, вздохнув с облегчением, спустилась вниз к парадному входу.

На пороге стояли две женщины с черными траурными повязками на лбу. Одна из них была молода, лет тридцати, вторая старше, видимо это мать и дочь.

— Чем обязана? — задала вопрос Могила.

— Нам нужно ваше разрешение на захоронение моего сына! — сказала женщина и платком смахнула слезу. — Видите ли, мы из рода Могильных и являемся вашими дальними родственниками, поэтому хотели бы Пашеньку похоронить именно на этом кладбище!

— Да... — Могила немного взволновалась, а затем вспомнила о том, что является новой хозяйкой погоста, а значит, и должна принять на себя определенные обязательства. — Проходите в холл, я сейчас вам дам разрешение, конечно, и речи быть не может! — снова залепетала она и быстро глянула на женщин, что стояли напротив и глядели куда-то, казалось, через

нее. А затем, невзирая на Геру, тихонько хихикнули и переглянулись. Могила почувствовала себя полной идиоткой и, развернувшись, буквально впечаталась в твердое тело капитана. Она отпрянула назад и огромными от удивления глазами глянула на Тимофея, стоявшего по пояс нагим. Тот теребил в руках серую рубаху ее деда.

— Вот... эту можно? — чуть запинаясь, выдал капитан и покраснел так, будто его выкинули из тени в адское пекло. В этой ситуации он чувствовал себя стеснительным юнцом. Однако быстро взяв себя в руки, он приветственно кивнул и поспешил вверх по лестнице. Могила за ним. Она разглядывала широкую спину Хмурого и заинтересовалась его необычной татуировкой на лопатке. Где-то такую она уже видела.

ГЛАВА 6. БОИШЬСЯ — НЕ ДЕЛАЙ, ДЕЛАЕШЬ — НЕ БОЯСЯ

Пока Гера заполняла специальный бланк о захоронении на кладбище Могильных, то думала о хмуром типе. Ей вспомнилось недоумевающее и стеснительное выражение лица капитана, он был похож на нашкодившего подростка, которому достанется по первое число. Однако Тимофей быстро опомнился. А те дамы внизу, которые пришли за разрешением, совсем стыд потеряли, плясь на полуголого мужчину в такой-то прискорбный день. Могила сама себе усмехнулась, сделала запись в специальный журнал деда, потянулась за печатью и громко шлепнула ею по бланку. После поставила закорючку и, пока капитан примерял вещи старика, вновь задумалась о том, что нужно перенести все данные в ноутбук, хотя дед был против техники, он больше доверял бумаге. Еще раз быстро пролистав журнал с именами и датами усопших, Гера поняла, что совсем скоро мест для захоронения на погосте и вовсе не останется. Именно поэтому разрешения давались далеко не всем, только тем, у кого были уже захоронены родственники, как у тех дам внизу.

— Ни одна рубаха Ивана Ивановича на меня, к сожалению, не налезла, поэтому придется париться в своей куртке, благодаря тебе, — произнес капитан за спиной Геры. — Это ж надо быть такой неуклюжей! — бурчал недовольно Тимофей, закатывая рукава ветровки по локти.

— Что обозначает твоя татуировка? — будто не слыша в свой адрес обидных слов, задала вопрос Гера.

— Что?

— Я спрашиваю про тату на твоей лопатке, капитан. Мне кажется, я ее уже где-то видела.

— Когда кажется, креститься нужно! Тебя внизу заждались, — кивнул Хмурый в сторону лестницы. — Мне тоже пора в управление, но к вечеру вернусь, и мы продолжим обсуждать наше сотрудничество. — С этими словами капитан быстро ушел, так и не ответив на интересующий вопрос Геры. Да она и сама, вспомнив о дамах, спустилась к ним и вручила разрешение. Пора теперь ей перенимать обязательства рода Могильных и контролировать все, что связано с наследством.

— Для начала необходимо тут прибраться, а после сменить в доме мрачную обстановку, — вслух произнесла Могила, оставшись одна. — А первым делом что сделаю — поменяю эти ужасные шторы на окнах! Понял, дед? — крикнула девушка куда-то вверх, словно хотела, чтоб ее слова были услышаны. Это произошло немедленно.

— Только попробуй, выскочка! — прошипел Пират, появившийся на последней ступеньке лестницы. — Ванюша тут ничего менять не хотел, и поэтому я не позволю нарушать его волю!

— А, это снова ты — шерстяной комок, — выдала Могила. — Тебя забыла спросить! — уверенно изрекла и уже было засобиравалась в кладовку за шваброй и пылесосом, как вдруг услышала:

— Ах так, мяу! Тогда я не расскажу тебе о татуировке капитана! — довольно закричал Пират и, будто живой, растянулся на той самой ступеньке, на которой недавно появился.

— Ты подлый вун и обманщик, Пиратушка! Я тебе не верю! — провоцировала призрака Гера, поскольку знала его пакостную кошачью натуру.

— Обещай, что все оставишь как есть, тогда ты удивишься моему ответу, — мурчал Пират, размахивая толстым хвостом.

— Хорошо, обещаю! — выдала Могила, как услышала вибрацию своего телефона в кармане домашних штанов. Она быстро достала его и, прежде чем провести пальцем по экрану, обратилась к коту: — Я с тобой разговор еще не закончила! — Она ткнула пальцем в Пирата, что, замурлыкав, тут же исчез. — Да, слушаю! — в трубку проговорила она.

— Привет, подруга! — Голос Марии Болотной заставил Геру улыбнуться.

— Машка, привет, рада тебя слышать!

— Ты еще больше обрадуешься, когда услышишь от меня приятную новость! — выдала креативная Болотная. — Мы с Ником едем к тебе! Так что готовь самовар! — прохихикала Машка на том конце.

— То есть?

— Никиту по работе посылают в Могильев, а я с ним, как верная сестра и подруга!

— Отличные новости, когда приедете?

— Через несколько дней, как только Волков завершит дела в столице! Все, жди!

— С нетерпением! — довольно ответила Могила и, совершенно забыв о Пирате и капитане, ринулась в кладовку за пылесосом.

Хмурый, перед тем как появиться в участке, заехал в свои апартаменты, принял душ и переоделся. Как только он ни старался отмыть чернильное пятно на животе, у него толком и не получилось — остался тусклый темный отпечаток, да и футболку пришлось выкинуть. Тимофей не понимал, как Гертруда Могильная может быть такой криворукой и как с такой неуклюжей дамочкой можно продолжать вести дело «Ювелир». Нет! То была плохая идея — просить внучку покойного Ивана Ивановича о помощи. Еще не пойми как справляется со своими сверхъестественными способностями, а ему сейчас не до ошибок и проколов. Итак, его расследование медленно заходило в тупик. Но Хмурый не привык сдаваться, оттого его мысли вновь возвращались к прекрасной внучке покойного старика. Авось и она умеет делать то, что и ее дед при жизни. Еще капитан не мог не отметить сходства с самой графиней Лукерьей, которая во времена своей жизни славилась не только гадальными способностями, но и редкой, изящной красотой. Он видел в библиотеке Могильных ее портрет и не мог не восхититься идеальными чертами ее лица. Если бы Гертруду нарядить в платья того периода и собрать золотистые волосы под маленькой шляпкой с вуалью, тогда ее можно было бы принять за саму графиню. Тимофей подловил себя на мысли, что стал слишком часто думать о новой хозяйке древнего погоста. Хороша чертовка, глаз не отвести. Однако он гнал от себя все мысли об отношениях женщины и мужчины, поскольку уже был влюблен и доверчив, а зря. Доверять женщине — значит предавать самого себя. А Хмурого предавали, и не раз. Как минимум двоих он уличил в измене. Возможно, бывшие пассии не выдерживали его частого отсутствия, ведь работа всегда стояла у Тимофея на первом месте. А еще он видел блеск в глазах Данилы, когда речь заходила о Гере, так что с хозяйкой погоста его должны связывать исключительно рабочие моменты. Впрочем, как и Данилу необходимо держать подальше от его нового объекта обожания, иначе разобьется сердце его брата на тысячи осколков, когда Гертруда откажет в любовном деле.

Хмурый подхватил ключи от машины и поспешил к выходу, спустился по ступенькам на первый этаж со второго, запрыгнул в свой темно-синий внедорожник и ринулся в полицейский участок.

Не успел он войти в здание полиции, как столкнулся лицом к лицу с кузиной Антона Романова Милой Романовой — девицей на выданье, рыжеволосой бестией, что увивалась за Тимофеем все время пребывания в Могилеве. Среднего роста, тощая, что сушеная вобла, — совершенно не во вкусе Хмурого. Мила являлась также дочерью самого начальника отделения и имела наглость тратить время капитана своей навязчивостью. Хотя Тимофей давал ей четко понять, что между ними не будет никаких отношений, Мила его отказ не принимала. А ему приходилось терпеть нападки девицы, ведь сам начальник полиции души в своей дочери не чаял, оттого капитану приходилось быть вежливым с ней. Нет, он не боялся обидеть дочь самого начальника. Капитан опасался, что его немилость не позволит завершить дело «Ювелир», вернее — начальник может и палки в колеса вставить. Но Хмурый успокаивал себя тем, что эти любезности временные, и старался быть как можно вежливее, настолько, насколько ему позволял характер.

— Капитан, капитан, улыбнитесь! — Мила растянула губы в широкой улыбке и пропела слова из какой-то там старой песенки. — Я с утра вас жду! Где же вы пропадаете? — Она перегородила Тимофею проход по коридору. В это время пухлый сержант Морозов, сидя в дежурке, усмехался, пялясь на Хмурого через оконный проем с металлическими решетками. Капитану стало не по себе. Он прочистил горло кашлем и выдал:

— Работаю! Нет у меня времени баклуши бить, когда серийный маньяк по улицам города расхаживает. Мне пора! Правда, нет времени на разговоры. — Хмурый отмахивался как мог и вдруг почувствовал тонкую, горячую, какую-то неприятно липкую ладонь Милы на своей груди. Она медленно повела ею вниз по торсу и остановилась у ремня брюк. Тимофей резко откинул ее руку и разозлился: «До каких пор я буду терпеть эту нахапку?» — а после взял эмоции под контроль, сухо улыбнулся и продолжил: — Мне правда пора!

— Хорошо! — Мила моргнула короткими ресницами, на которых, наверное, был килограмм черной туши, чтобы их удлинить, однако вышло плохо. — Не буду мешать, может, завтра вы наконец-то осмелитесь и пригласите меня на чашку кофе? — Глупышка думала, что взрослый мужик робеет? На это Хмурый усмехнулся. Быстро проскочив между стеной и Милой, он направился в кабинет судмедэксперта, чтобы узнать у Аделаиды Жоровой результаты вскрытий обоих тел: алкоголички и проститутки. Пока шел, чувствовал на себе прожигающий насквозь взгляд дочери начальника полиции.

— Доброго дня, Ада! — Тимофей заскочил в кабинет эксперта и резко закрыл дверь, словно рыжеволосое чудо преследовало его. Он окинул взглядом небольшую комнату с колбами, холодильниками и настенными полками, задержался на микроскопе, а затем уселся на стул рядом с рабочим столом эксперта.

— И тебе доброго, капитан! — буркнула Ада, поправляя очки и уставившись в монитор экрана. Она быстро стучала по клавиатуре, видимо, заносила данные о трупах.

— Ничего нового? — задал вопрос Хмурый.

— Нет! Первоначальные данные подтвердило вскрытие. Одна скончалась от некачественного суррогата, вторая — от точного попадания в сердце острым предметом. На самом клинке нет никаких отпечатков. Сделан, как и предыдущие, из нержавеющей стали, а сама рукоять из обсидиана. Вулканическое стекло хорошо плавится при большой температуре. Отсюда вывод: все клинки самодельные и выплавляются к кузнице. Хотя этот примитивный метод уже давно заменили современные технологии, и если честно, то я не знаю ни одной кузницы, которая могла бы быть в Могилеве. У нас в городе их точно нет, — развернуто ответила Ада, не отводя взгляда от экрана.

— Понятно, что ничего не понятно! Но спасибо! — пробубнил Тимофей и, попрощавшись, покинул кабинет эксперта. А пока шел в следственный отдел, думал о том, что нужно еще раз обойти ближайшие поселки и селения провинции. Возможно, там еще кто-то кует сталь и выплавляет стекло. А именно есть несколько деревень, окруженных густым лесом, где

живут староверы и язычники. Все же Хмурый больше склонялся к ритуальным убийствам, чем к серийным. А вот информацию по поводу староверов и язычников можно было получить лишь в поместье Могильных, где находилась огромная библиотека с древними рукописями, которые на протяжении веков собирал род Могильных. Так что хочешь не хочешь, а придется прибегнуть к услугам новой хозяйки погоста.

Тимофей не заметил, как наступила тихая звездная ночь. Он копался во всемирной паутине, пытаясь обнаружить хоть что-то, связанное с ритуалами. Выпил, наверное, литра три черного кофе «эспresso» за это время, но усталость брала свое. Он совершенно забыл, что собирался в особняк Могильных, и принял решение ехать в свои апартаменты, а разговор с Гертрудой отложил на утро. Хмурый, прощаясь, кивнул дежурному Морозову, что выглядел сонным, и направился на автостоянку к своему авто. Щелкнул замками и уселся на кожаное сиденье, когда в кармане куртки завибрировал телефон. Капитан машинально достал его из кармана и, не глядя на номер абонента, ответил:

— Капитан Тимофей Хмурый, слушаю!

— Капитан, капитан! — на том конце слышался взволнованный голос Гертруды Могильной. — Вы должны срочно приехать ко мне! Случилось ужасное! — со страхом буквально пищала хозяйка погоста.

— Скоро буду! Не паникуйте, запирайтесь в комнате и ждите, уже еду!

Гера ждала капитана, сидя в ванной комнате, которая казалась ей безопаснее всего в этом огромном доме. Она заперлась на замок и пыталась унять дрожь, что образовалась во всем теле. Могила даже слышала, как отплясывает сердце в груди, а в висках часто пульсирует. Ей было ужасно страшно, думалось, что серийный маньяк расхаживает по коридору, скрипя половицами. А затем за спиной она услышала грохот, это снова рассыпались зубные щетки по кафельному полу. Гера от неожиданности подскочила на месте и резко обернулась.

— Трус-сиха! — хихикал Пират. — Какой-то там петушиной головы испугалась!

— Испугалась и что? Ты бы как себя повел на моем месте, если бы увидел на парадных ступеньках и на двери кровь, а еще подвешенную на входном фонаре голову петуха?

— Ну уж точно бы не стал звонить капитану! — промурлыкал одноглазый.

— Тогда говори, что с ним не так? — настаивала Могила, как раз вспоминая, что прозрачный котяра обещал рассказать все, что знает про Хмурого. — Дашь на дашь, помнишь?

— Забудешь тут, — недовольно ответил Пират и развалился на тумбочке с банными принадлежностями. — Что ты хочешь-шь узнать о нем?

— Не прикидывайся дураком, котяра! Его татуировка в виде пятиконечной звезды в круге показалась мне очень знакомой!

— Конечно же, ведь почти такой же знак украшает усыпальницу склепа графини, что находится в заброшенной части погоста! — проорчал котяра. — Делай выводы, глупая: разве те убийства не похожи на ритуальные? — мурчал Пират. — Сама подумай, почему они совершаются именно у кладбища Могильных?

— Но капитан расследует это дело? — недоверчиво переспросила Гера.

— Или делает вид, чтобы увести следствие по ложному следу. — Пират облизнул лапу и провел ею по усам, будто объелся рыбы.

— Что ты имеешь в виду?

— Говорю же, глупая ты! Куда тебе до Ванечки, вот он-то был очень смышленным и не доверял капитану.

— Но дед помогал хмурому типу в расследовании, — снова возмутилась Могила и теперь усомнилась в том, правильно ли она сделала, что вообще позвонила капитану.

— А может, он просто держал врага рядом, чтобы потом вывести его на чистую воду? — говорил Пират и размахивал хвостом, заставляя Могила все больше сомневаться в полицейском.

— То есть ты хочешь сказать, что именно капитан и есть тот убийца?

— Я ничего не хочу сказать! Я делаю выводы! — зашипел кот и оцетинился.

Тут снова заскрипели половицы, а после послышались быстро приближающиеся шаги. Гертруда замерла от страха. А от стука в дверь и вовсе потеряла дар речи.

— Гера, открывай, тебе больше нечего бояться! — Голос хмурого типа и исчезновение Пирата подействовали на Могила так, будто бы она осталась одна-одинешенька перед врагом. Инстинкт самосохранения и шок сделали свое дело. Гера быстро подхватила с тумбочки опасную бритву ее покойного деда и медленно подошла к двери. — Я приехал, выходи!

— Я больше не нуждаюсь в твоей помощи, капитан! Уходи немедленно! — чуть заикаясь, произнесла Гера и сжала сильнее бритву. А если Пират прав и дед подозревал во всех убийствах Хмурого? Тогда понятно, почему капитан напрягся по поводу продажи поместья. Он явно не хотел, чтобы оно досталось Галицкому, потому что иначе Хмурому придется искать другое место для своих преступлений. А возможно, Тимофей запланировал следующее убийство, а жертвой выбрал именно ее?

— Что за детский сад! — возмутился Хмурый. — Выходи, или мне придется ломать дверь, поскольку хотелось бы узнать, откуда та кровь на ступеньках особняка.

— Только попробуй, и я убью т... тебя! — пригрозила Могила и теперь уже двумя руками схватилась за бритву. А когда хваталась, попала не туда и задела ладонью острие. Кровь тут же часто закапала на белый кафель. От резкой боли Гера громко вскрикнула, от чего Тимофеем показалось, что с ней случилось нечто ужасное. Он плечом толкнул дверь, но та поддаваться не хотела, крепкой была, несмотря на солидный возраст. Тогда капитан разогнулся и еще раз впечатался в створку, та чуть пошатнулась. Гера за дверью снова вскрикнула. Голос ее был очень испуган, от чего Тимофеем уже применил удар ногой. Такого створка не выдержала и распахнулась. Могила в это время, пялясь на капитана огромными от страха глазами, направила на него опасную бритву. Из ее руки капала кровь. Тимофеем было ринулся, чтобы помочь, но девушка отпрыгнула назад, удерживая холодное оружие. — Ты в своем уме? — возмутился Хмурый. — Угрожаешь полиции?

— Откуда мне знать, что ты не маньяк, а?

— Точно ума лишилась или приложились обо что-то твердое головой?

— Не заговаривай зубы! Откуда у тебя та татуировка? — прищурилась Гера.

— А при чем здесь она? — не понимая, задал вопрос Хмурый.

— А при том, что она похожа на тот знак из склепа графини. Может, ты нарочно запутываешь следствие, чтобы забрать сокровища графини, убивая тех девиц! — выпалила Гера все как на духу. Вернее так, как предполагал Пират.

— Более нелепого вывода я еще в своей жизни не слышал! Опусть бритву, и поговорим спокойно! — недовольно проговорил Тимофеем, видя, что хозяйка особняка совершенно запуталась в своих домыслах и несет несусветную чушь. А затем Гера услышала шипение призрачного котяры. Он хихикал и довольно мурчал оттого, что выставил Могила полной дурой перед капитаном.

— Поверила моим бредням! Говорил же, что глуп-пая!

— Ну все! Завтра же поменяю шторы! — выкрикнула Могила и бросила на пол бритву.

— При чем теперь шторы? — снова недоумевая, выдал Тимофеем в тот момент, когда Гера подняла глаза на него и сделала жалостливый вид:

— Ты точно не убийца?

— Откуда только взялись такие мысли! — уже спокойнее произнес Хмурый и подхватил раненую руку Могилы. — Где аптечка?

— Там! — кивнула Гера на тумбу с банными принадлежностями. — В верхнем ящике, — продолжила успокаиваясь. Однако как же она была зла на одноглазого вруна, даже на время забыла о злосчастной татуировке капитана. Пусть теперь этот шерстяной комок только попадется ей на глаза, тогда-то она кулаком поправит ему черную повязку.

ГЛАВА 7. ДЫМА БЕЗ ОГНЯ НЕ БЫВАЕТ

Немного придя в себя от стресса, Могила рассказала капитану, что посередине ночи слышала странные звуки под дверью особняка. Когда же спустилась и распахнула створку, то увидела кровь на ступеньках и петушиную голову. Но про одноглазого врунишку, который нарочно настраивал ее против капитана, Могила умолчала, иначе он точно примет ее за сумасшедшую. Хотя за это Пирата стоило наказать, и она даже придумала как. А еще, чтобы загладить свою вину перед хмурым типом, Гера предложила ему кофе, от которого Тимофей не отказался. Капитан не понимал новую хозяйку кладбища, она казалась ему очень странной, а в особенности ее переменчивое к нему отношение. Сама же Могила хотела сквозь землю провалиться из-за этой нелепой ситуации. Как она могла вообще поверить этому пакостному призраку, когда знала, что тот ее ненавидит всеми фибрами своей кошачьей души? Турка на плите быстро зашипела, в этот момент Могила ощутила, как по ее ногам пронесся легкий холодок. Она сразу же поняла, что Пират здесь.

— Пришел просить прощения? — бросила она коту и разлила ароматный напиток по чашкам.

— Ещ-ще чего! — прошипел Пират. — У нас с тобой цели разные!

— Цели? А, значит, ты хочешь от меня избавиться любой ценой, так ведь? — догадалась Могила.

— Мозги появились? — вопросом на вопрос промурлыкал котяра.

— Тогда так: если выкинешь еще нечто подобное, я продам особняк Галицкому, а уж он-то быстро от тебя избавится и отправит к графине на тот свет, понял?

— Понял! — недовольно буркнул Пират и испарился, как и не было.

Гера подхватила поднос и быстро вошла в холл, где ее ждал Хмурый. Она поставила чашки на низкий столик, а затем присела напротив.

— Мне очень неудобно перед тобой, капитан, — начала оправдываться Гера, опустив глаза в пол. — Просто я так испугалась крови, что приняла тебя за врага.

— Извинения приняты, — невозмутимо ответил Хмурый и сделал глоток горячего кофе. — Я считаю, что визит Галицкого, а затем этот ритуал изгнания — не случайны.

— Ритуал изгнания?!

— Именно. На двери кровью животного нанесен знак гексаграммы. Это два треугольника, собранных в одну многоугольную фигуру, каждый угол которой чертится против хода солнца. Тебя явно хотели напугать до такой степени, чтобы ты быстрее приняла решение продать особняк и уехать, — уверенно продолжил Тимофей.

— Значит, это дело рук Галицкого? Хотя кому ж еще, как не ему, хочется поскорее пополучить мое наследство, — согласилась Гера с выводом капитана.

— Скорее всего, — констатировал Хмурый. — Конечно, Леон Львович не сам лично подвязывал кровавую голову петуха к входному фонарю, ему помогли. А вот кто — это нужно выяснить! — проговорил капитан, допивая кофе, который, кстати, ему очень понравился. У Геры получилось даже лучше, чем в аппарате. — Спасибо за вкусный кофе! — не удержался Тимофей от комплимента.

— Не за что, капитан! — Сделав небольшую паузу, Гера продолжила: — Так, ты расскажешь мне про татуировку?

Она вновь задала тот вопрос, от которого хмурый тип постоянно увиливал. Он искусно старался уходить от ответа, к тому же еще и обстоятельства складывались в его пользу. Но не теперь. Он должен рассказать правду о рисунке.

— Опять! — возмутился Тимофей. — Что ты к нему привязалась? Обычный рисунок, набитый в молодости по глупости, вот и все! — Хмурый уверенно глянул на хозяйку кладбища, и Могила почувствовала, как хочет утонуть в омуте его синих глаз. Будто наваждение какое-то. Морок, что заставляет забывать обо всем на свете и думать лишь о нем — хмуром типе. Гера часто заморгала пышными ресницами, а затем отвела взгляд в сторону. У Данилы такого же цвета глаза, однако завораживающего действия на девушку они не оказывали. — Сейчас нам нужно отдохнуть, — продолжал капитан. — А утром я введу тебя в курс дела № 503 «Ювелир», в котором участвовал твой покойный дед.

— Ты уже уезжаешь? — выпалила Могила, словно боялась отъезда капитана больше всего на свете.

— Нет! — тряхнув головой, твердо ответил Тимофей. — Я же обещал, что с тобой ничего не случится. В какой комнате мне можно переночевать?

— Рядом с моей есть гостевая. Я сейчас быстро приведу ее в порядок, и ты можешь оставаться в особняке, пока все не завершится, — отчеканила Гера, удивляясь своему внезапному гостеприимству.

— У меня же еще непутевый брать есть, помнишь? Так что мне придется как-то совмещать ночевки, — ухмыльнулся капитан.

— Через пару дней ко мне приедут друзья на некоторое время. Так что вы вместе с Данилой можете оставаться тут в особняке сколько нужно, чтобы тебе не разрываться на два дома.

— Хорошо! Увидим! Показывай гостевую!

Гера резко выпрямилась и повела Тимофея Хмурого на верх по лестнице. А пока шли, слышала недовольное шипение Пирата, которого только она могла видеть, и то когда котюра сам того желал.

Данила вернулся в квартиру далеко за полночь. Последние клиенты, которых он отвозил, показались ему странными. Весь путь до дальнего поселения города они ехали молча, не проронив и слова. Молодой человек даже названия сейчас бы не вспомнил, да и назад возвращался так, что несколько раз блуждал на проселочных дорогах во мраке ночи, пока на автодорогу не выехал. Высадил он их вообще непонятно где, кажется, что на перекрестке четырех дорог, которые пересекались у какой-то деревушки. Лиц он тоже не рассмотрел, высокие мужские фигуры скрывались под черными плащами с острыми капюшонами. Зато заплатили хорошо, да так, что можно было пригласить новую хозяйку погоста в хороший, престижный ресторан города под названием «Континент», куда стекались все сливки высшего общества Могильева. Кстати, как раз это дорогое заведение принадлежало молодой супруге главы города Алле Орланской — в девичестве Котовой — местной красавице-брюнетке с длинными ногами от ушей и миловидным личиком. Она стала пятой женой главы, а по совместительству мачехой Ёси, который и познакомил своего отца с очаровательной Аллочкой.

Открыв дверь квартиры, Данила заметил, что Тимофей еще не вернулся со службы. Старший брат часто задерживался, а иногда даже мог пропасть на всю ночь. Тут вдруг Данила вспомнил о том недавнем случае, когда капитан что-то прятал под подушкой. Какую-то вещь в деревянной резной коробке. Молодому человеку стало интересно, что же скрывает от него

брат, и он решил: нужно проверить комнату Тимофея, пока выдался случай. Конечно, в душе Дания понимал, что нехорошо рыться в чужих вещах, однако он всегда был любопытным.

Еще раз осмотрев квартиру, молодой человек убедился, что в апартаментах совершенно один, и ринулся в комнату брата. Толкнул дверь, но она оказалась заперта. Тут пришлось вспомнить старые навыки — когда-то он с легкостью открывал самые трудные замки. Хотя это было давно, еще в подростковом возрасте. Данила с горечью вспоминал те трудные моменты жизни, что заставили его связаться с плохой компанией, из которой, как обычно, вытащил Тимофей.

Отмычка в руке появилась сама собой, Данила достал ее из кармана, где находилась связка ключей. Машинально опустил на короточки и одним искусным движением «домушника» щелкнул дверным замком. В комнате у Тимофея царили порядок и чистота, чего не скажешь о спальне младшего, где вещи разбрасывались по всем углам, а носки лежали рядом с кроватью. У старшего брата все было по-другому: заправленная постель без единой складочки, в шкафу аккуратно разложена одежда, часть которой висела на вешалках. На прикроватной тумбе пылинки не найдешь — в этом весь Тимофей Хмурый. Порядок царил у него не только в комнате, но и в голове. Однако Данила не понимал, как можно быть одновременно таким скрытным и таким открытым для него? Молодому человеку покоя не давал секрет брата, а посему он незамедлительно ринулся к кровати и сунул руку под подушку. Немного пошарив под ней, Данила понял, что там нет ничего, что он мог бы найти. Тогда он проверил ящички тумбы, а затем порывшись в шкафу, стараясь не оставить после себя следов — поправляя за собой все, что сдвинулось с места. Ничего!

— Интересно, куда же ты ее спрятал? — выдал Данила вслух и еще раз все проверил. — Может, с собой унес! — сделал вывод и поторопился выйти из спальни. Еще раз применил к себе роль «домушника» и, щелкнув обратно замком, двинулся в ванную. Нужно было освежиться после ночной поездки да лечь спать, ведь утром он намеревался посетить очаровательную хозяйку погоста.

Утро будило Геру звонким чириканьем воробьев — те резвились за открытым окном ее спальни. Легкий, свежий ветерок проникал в комнату, одаривая приятным ароматом кустовых роз и жасмина. Любил ее покойный дед цветы и старался ухаживать за клумбами вокруг особняка, а также сам по весне обрезал плодовые деревья, что росли в саду поместья Могильных. Были там и ягоды: малина, клубника, земляника, запах которых также доносился летним дуновением ветерка. Могила сладко потянулась в постели, а затем, соскочив с кровати, направилась в ванную, чтобы привести себя в порядок. Отчего-то ей подумалось, что капитан еще спит, оттого-то она встала раньше, чтобы приготовить завтрак на двоих — смешно даже, Гера никогда не ела в такую рань. Ей хватало бодрящего кофе до самого обеда, что утолял голод, вернее так был приучен ее организм. Подойдя к двери санузда, она не задумываясь распахнула створку, уже было готовилась зайти внутрь, как резко остановилась и протерла кулаками сонные глаза. Картина перед ней предстала... прекрасная: Тимофей, стоя в антикварной чаше времен самой графини, поливался душем. По его широкой спине и обнаженным, упругим, как орех, ягодицам стекала вода. На лопатке злосчастная татуировка, а по мокрым русым волосам струились теплые, серебристые потоки. Он был похож на некое божество, которое буквально соблазняло своим нагим видом. И неизвестно, сколько бы еще могла Гертруда наблюдать за ничем не подозревающим капитаном, как:

— Подглядываешь-шь, бесстыжая! — прошипел где-то рядом одноглазый Пират.

— Брысь! — тихо прикрикнула на него Могила и мигом захлопнула створку, в тот самый момент, когда Хмурый, ощутив на себе чей-то взгляд, обернулся, но никого не увидел. — Что ж ты за пакость такая? Завтра же вызову светлого отца, пусть проведет обряд упокоения!

— Только попробуй! — зло промурлыкал котяра, а после жалобно проурчал: — Ты это серьезно?

— Если еще будешь путаться у меня под ногами, то непременно это сделаю!

— Ладно, война пока откладывается! — прошипел призрак и легкой дымкой растворился в коридоре особняка. Девушка на это лишь усмехнулась и двинулась к кухне, чтобы хоть что-то приготовить для гостя. Тем более что ночью они вместе оттирали кровь со ступенек парадного входа особняка, а за это стоило отблагодарить капитана. Хотя он не был доволен тем, что пришлось возиться с последствиями ритуала изгнания.

Гертруда приготовила самый вкусный омлет, который она когда-либо делала в своей жизни. Ну, вернее ей так казалось — он получился пышным, с помидорами и сыром, к тому же вкусный запах так и манил попробовать омлет на вкус. Могила сервировала стол, что стоял на кухне у самого окна, вид из которого открывался на цветочный палисадник, где располагались аккуратно стриженные кустарники можжевельника. На улице все так же звонко щебетали птицы, словно радовались очередному прекрасному солнечному дню. Вспомнив об обнаженном капитане, Гера улыбнулась. Ей нравились такие мужчины, как он, а еще подумалось, что, наверное, Хмурый все-таки не заметил подглядывания, иначе им обоим станет не по себе от неудобства того момента. Однако в любом случае Гера смущалась. В голову отчего-то стали приходить разные непристойные мысли. Могила представила себя и капитана вместе целующими, после, мотнув головой, попыталась от этого видения избавиться и принялась поправлять льняные белые салфетки на тарелках, когда в дверь позвонили. Она не понимала, кого еще могло принести в такой ранний час? Девушка заторопилась к входной двери и не раздумывая распахнула створку. На пороге стоял Данила в серой, обтягивающей стройное тело футболке и в синих джинсах. Высокий, гладко выбритый, его русые волосы были собраны в пучок на самой макушке, а в руках ароматный букет фиолетовых пионов. Таким же, но приглушенным цветом и сияла его аура, свечение которой перекликалось еще и с зелеными бликами. Могиле стало понятно, что таксист немного возбужден и взволнован, видимо от встречи с хозяйкой кладбища.

— Д... доброе утро! — выдал он. — Надеюсь, не разбудил?

— Доброе! Надеюсь, эти пионы не с моих клумб? — усмехнулась Гертруда и, окинув взглядом Данилу, невольно сравнила молодого человека с его старшим братом. Сделала вывод, что оба хороши собой и похожи. Однако капитан был очень серьезным, а вот с его младшим братом не заскучаешь.

— Обижаешь! Хотел пригласить тебя на утренний кофе в городском парке. Там у пруда можно насладиться настоящей, неторопливой и приятной атмосферой! — выдал Данила и задвигал бровями, мол, соглашайся. Как вдруг услышал:

— Гертруда никуда не пойдет! У нас сегодня очень много дел, которые не отложить на потом, как это у тебя часто бывает, брат!

Хмурый-младший опешил. Он не ожидал увидеть Тимофея именно в особняке Могильных, да и еще к тому же с мокрыми волосами и бодреньким. Неужели брат провел с Герой всю ночь? Да как он вообще мог, зная, что хозяйка погоста запала Даниле в душу?

— У нас? — недоумевая, задал вопрос младший и, нахмурившись, глянул на Геру. Та в свою очередь опустила глаза, словно действительно в чем-то провинилась перед таксистом. Будто и вправду они с Данилой пара, а она изменила ему с другим. — Значит, вот где ты провел эту ночь, Тим! — продолжил с упреком. Гера ощутила, а после увидела, как аура Данилы меняет цвет на коричневый. Очевидно, что молодой человек ревновал, хотя повода она не давала. Да и к тому же они с Хмурым-младшим просто знакомые.

— Капитан эту ночь провел в особняке, Данила, но не потому, что нас связывают тесные отношения! — Гера попыталась оправдаться. — Я позвонила Тимофею сама, поскольку произошел ужасный инцидент!

— Ты могла позвонить мне, и я бы мигом примчался!

— Так, стоп! — возмутился капитан. — Я не знаю, что ты себе там напридумывал, но еще раз говорю, что Гертруда останется тут со мной, поскольку есть неотложные дела. А именно, если ты помнишь — твой брат ведет сложное дело, поэтому мне нужна помощь Могильных. — Тимофей начинал выходить из себя и ужасно злился на младшего, от чего его оболочка становилась все темнее и темнее. Могила это видела и не хотела назревающего конфликта между братьями.

— Данила, я вынуждена отказаться от утреннего кофе, но вечером мы можем встретиться! — Гера попыталась уладить ситуацию и перехватила охапку ароматных пионов. Тимофей нахмурился, он не желал, чтобы брат встречался с этой столичной «фифой», только об этом он поговорит с Данилой позже, не сейчас, когда тот слишком возбужден от ревности.

— Договорились, — неуверенно ответил младший и, развернувшись, направился к своему авто. Могила смотрела на отъезжающее такси и не понимала, как вообще могла попасть в такую нелепую ситуацию.

— У меня завтрак готов! Хотела быть гостеприимной!

— Завтрак так завтрак! — сухо изрек Тимофей. — Но после приступим к делу!

Могила кивнула. А пока шла к кухне, думала: «Что посеешь, то и пожнешь». Ведь она прекрасно понимала, что у Данилы к ней совсем не дружественные чувства, но увидев кровь, она ни минуты не раздумывала, кому из братьев звонить и просить о помощи.

ГЛАВА 8. ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН

Тимофей прекрасно осознавал, что сейчас неподходящее время для выяснения отношений с младшим братом. Отсюда пришлось снова с Данилой быть резким, поскольку иначе бы он не перестал приставать к столичной «фифе», которой нужно поскорее подключиться к расследованию. Тем более что в провинции нехватка профессионалов — обычное дело. Тут-то Хмурый вспомнил, что завтра к нему из императорского бюро расследований придет подмога, которой он был рад, ведь дело «Ювелир» очень сильно затянулось и неясно, кто будет следующей жертвой. Возможно, что очередная блудница, но и исключать местных женщин тоже нельзя. Все они были в огромной опасности, пока по Могильеву разгуливал серийный убийца.

Капитан поспешно открыл дверь библиотеки и пропустил вперед хозяйку особняка Могильных. Затем он приблизился к одному из стеллажей с книгами, просунул руку между ними и нащупал скрытый рычаг. Повернул его, а затем отошел буквально на шаг. Вдруг книги качнулись, а сами полки задвигались в правую сторону, открывая проход в потайную комнату. Гера не удивилась этому, поскольку знала еще несколько таких скрытых от посторонних глаз комнат, которые были в особняке и строились специально по приказу самой графини Лукерьи.

— Прошу! — капитан жестом пригласил Геру войти и включил свет. Как только оба оказались внутри комнаты, дверь за ними закрылась. Могила быстро огляделась по сторонам и увидела стол с какими-то книгами, что стоял возле стены с кирпичной кладкой. А затем взгляд ее тут же остановился на доске, на которой были прикреплены ужасные фотокарточки с жертвами маньяка. Тусклый свет падал на стенд, от чего ей захотелось приблизиться и посмотреть на зверства поближе, что Гера и сделала.

— Это каким же нужно быть извращенным чудовищем, чтобы сотворить такое? — выдавала она вслух, чем разбавила нависшую тишину. — Представить не могу, что эти женщины чувствовали, когда над ними издевались.

— Они ничего не чувствовали, — ответил капитан. — Я называю это ювелирным преступлением, ведь все они умерли буквально в один миг, ничего не ощутив, поскольку резкий удар клинком точно в сердце за секунду его остановил. Ну, а дальше... — Тимофей сделал паузу, будто подбирая нужные слова. — Дальше он делал с ними это.

— Они были изнасилованы? — с испугом спросила Гера.

— Нет! Никаких следов насилия, кроме острого прокола, на жертвах не было. Твой дед называл эти убийства охотой на ведьм. Иван Иванович считал, что маньяк ярый язычник и приносит блудниц в жертву самой Карне...

— Божество, что карает за грехи и является вестницей смерти, — далее продолжила уже Гера. Она слышала имя этого языческого божества от деда. Тот когда-то рассказывал, что именно богиня Карна помогает оплакивать усопших на похоронах, она же и забирает души, чтобы провести свой справедливый отбор: грешников — во тьму, а праведных в — свет.

— Именно. Также Иван Иванович считал, что наш маньяк таким образом хочет избавить город от блудниц, которых он считает настоящими грешницами. На фотокарточках видно, что все эти убийства совершает один и тот же человек.

— Круг из святой соли запирает душу, чтобы никуда не улетила, — перебила вдруг Гера, совершенно интуитивно. — Камни на груди всегда разные — это как маячки в потусторонний мир, где Карна встречает те самые души. Если каждый раз применять одинаковые самоцветы, то темное божество попросту не примет их, может посчитать за предыдущую жертву, душу которой Карна уже приняла.

— Верно! — ответил капитан и понял, что Гертруда действительно обладает знаниями, которые передал ей еще при жизни покойный Иван Иванович, ведь теперь он знает отчего менялись камни на телах жертв. Это не могло не радовать капитана. Возможно, он ошибался на ее счет и Гера сможет помочь ему в расследовании.

— Но как узнать этого убийцу, когда нет никаких зацепок?

— Тут-то твоя помощь и нужна, — выдал капитан. — Ты же умеешь гадать на картах?

— Да, а при чем тут это?

— Скоро узнаешь, поехали! — довольно произнес Тимофей, и, выключив свет, они оба покинули тайную комнату библиотеки.

В большой машине у капитана Гере было удобно. Она сидела на переднем пассажирском месте и глядела в открытое окно, за которым мелькали вдаль высокие вековые ели, а перед ними поляны с разноцветами и травами. Чуть в стороне виднелся каменный пик Змеиной Скалы, куда боялись ходить даже взрослые мужчины. Но попадались и редкие смельчаки, что отваживались покорить вершину, однако назад из них никто не воротился. То, конечно, была очередная легенда, которую так любили местные рассказывать гостям провинции, чтобы те не лезли куда не следует, а именно — в опасные места, ведь Змеиная Скала настолько крута и высока, что свалиться с нее можно в считанные секунды, а тогда в худшем случае можно остаться калеккой, а в лучшем — умереть. Несмотря на это, скала была прекрасна и таинственна, особенно в окружении зеленых деревьев. Гера засмотрелась, а после повернула голову вперед и уставилась на асфальтовое покрытие, разделительная полоса которого мелькала перед ее глазами. По бокам стали появляться частые постройки города: одноэтажные, двухэтажные и пятиэтажные здания. Выше в Могильеве не строились с целью безопасности, ведь именно тут возникали колебания земли. Землетрясения происходили из-за разлома тектонических плит земной коры в самых недрах планеты. Иногда колебания были совсем неощутимыми, но изредка могли и хорошенько встряхнуть весь Могильев и прилегающие к нему селения. Но это было ничто по сравнению с той бедой, которая обрушилась на провинцию в виде маньяка-ювелира.

— Куда мы едем? — Гера, молчавшая весь путь от особняка до центра города, еще раз задала вопрос капитану.

— В бордель «Под крылом Орла», — совершенно спокойно ответил Хмурый.

— Но... неприлично же порядочной девушке посещать такие места! — возмутилась Могила.

— Неприлично подглядывать за голым мужчиной, который решил с утра освежиться! — усмехнувшись, выдал Тимофей, чем заставил Геру залиться румянцем, а в душе сгорать от стыда за тот поступок.

— Не понимаю, о чем ты, капитан? — неуверенно ответила Могила, убирая светлую прядь за ухо. Будь сейчас тут друзья, они бы точно засмеялись от того, что Гера делает из себя саму невинность, чтобы скрыть правду.

— Ладно, проехали, мы на месте! — Хмурый снова нахмурился.

— И? Что мне делать, наверное, нужно наняться на работу? — с испугом произнесла девушка, глядя на двухэтажное, из белого камня, помпезное здание с колонами, на которых восседали крылатые ангелы — Амурчики. Бордель «Под крылом Орла» скорее напоминал богатый особняк, нежели дом терпимости. Большие окна, кованые балконы говорили, что внутри будет еще красивее. Стоящее отдельно здание окружалось высокими металлическими решетчатыми секциями, а у высоких ворот стояла будка с охраной, что поднимала шлагбаум лишь богачам этого города. Завсегдатаям же делались хорошие скидки.

Хмурый, который практически не шутил, захотел сказать: «За тебя бы дорого заплатили», но удержался и, сделав серьезный вид, выдал:

— Работать придется, только другим местом и способом — гаданием! Как ты понимаешь, с представителем закона блудницы вряд ли станут откровенничать, а вот предсказатель их очень заинтересует. К тому же твои знания в карточном раскладе помогут выяснить то, что волнует ночных мотыльков. То есть твоя задача выяснить, кто приходит в заведение, и кто уводит девиц из борделя с собой.

Гера с облегчением выдохнула. Роль проститутки она бы не выдержала, а, возможно, и залепила бы хмурому типу звонкую пощечину за такое непристойное предложение. И глубоко вздохнув, Могила сунула руку в бежевую кожаную дамскую сумку, сначала достала из нее маленькое зеркальце, а затем розовый блеск и накрасила губы. После положив все обратно, она вытащила новенькую колоду с картами, поиграла ими, заставляя карточки быстро перетекать между ладонями, и уверенно произнесла:

— Гадать — так гадать! Но как мне попасть внутрь, когда на воротах стоят два вооруженных амбала?

— Скажешь, что тебя пригласила сама Виолетта — смотрящая борделя.

— Смотрящая? — переспросила Могила. — Звучит как в тюрьме, — усмехнулась девушка.

— Это и есть своего рода тюрьма, кто туда попадет единожды, больше никогда на воле не окажется! — ответил Тимофей и на время поник.

— Говоришь так, будто знаешь изнанку того мира! — сорвалось с языка Могила.

— Ты много болтаешь, хозяйка погоста! — строго буркнул капитан. — Иди уже, дело не терпит отлагательств! — Гера кивнула и вышла из авто. Уверенно двинулась к охране, что-то им проговорила, а после скрылась за густыми кустарниками, что росли вдоль мощенной камнем дорожке, ведущей к парадному входу борделя.

В голове капитана вдруг мелькнула картинка из прошлого: как мать закрывала их с Данилой в соседней комнате, а сама принимала клиентов. Пока она работала, дети должны были не высовываться до тех пор, пока не уйдет званный гость. Звуки за стенкой казались маленькому Тиму отвратительными, поэтому он придумал вставлять Даниле и себе в уши самодельные беруши из ваты, а после строил младшему брату смешные рожицы, чтобы тот не плакал. Ино-

гда на частях тела матери после таких визитов оставались синяки, а в ее глазах застыли слезы, но она делала вид, что все хорошо. Это просто рабочие моменты. Сам Тимофей никому такого не пожелал бы, ведь однажды ночью родительница ушла по вызову, но назад так и не вернулась. От жутких воспоминаний у капитана защемило сердце, он попытался выкинуть прочь из головы давние мысли; открыв бардачок, достал оттуда рабочий блокнот и принялся изучать детали дела, пока ждал Гертруду Могильную.

В холле борделя, как и предполагалось, все было по-богатому. На стенах бежевая лепнина, на высоком потолке хрустальная люстра с подвесками. Резная лестница с коваными лилиями вела на второй этаж к спальням блудниц. А по правой стороне — барная стойка с дорогим пойлом. В центре большой комнаты стояли кожаные белые диванчики с низкими столиками для посетителей. А на стеклянных столешницах лежали папки с «крейзи-меню», где были фотографии обнаженных блудниц заведения и список обычных и необычных предоставляемых услуг — за отдельную плату.

Гера прошла в центр холла, кивнула бармену-блондину, который натирал стекло, а далее увидела молодую женщину лет тридцати пяти, похожую на модель с обложки какого-нибудь модного журнала. «Вот уж где действительно ноги от ушей», — подумала Могила, когда поняла, что та выше самой Гертруды на целую голову. Виолетта — смотрящая за борделем — выглядела дорого: красное обтягивающее платье чуть выше колен, тонкий стан, округлые женские формы — все это прекрасно сочеталось в миловидной брюнетке с пухлыми губами. Смотрящая окинула Гертруду взглядом с головы до ног, ухмыльнулась, мол, ты тоже ничего, и походкой грациозной кошки подошла к хозяйке древнего погоста.

— Значит, это ты гадалка? — мелодично, немного свысока (по крайней мере, так показалось Могиле), задала вопрос Виолетта.

— Да, это я! — быстро выдала Гера и еще раз окинула взглядом холл.

— Хорошо! Пройдем в игровой зал, девочки тебя уже ждут!

Могила кивнула и двинулась за смотрящей. Сначала они прошли под высокой аркой с фресками все тех же крылатых ангелочков со стрелами. Далее двинулись по коридору, а после вошли в огромный игровой зал, где располагались покерные столы. Еще Гера увидела несколько рулеток, пару бильярдных зон и много кожаных диванов, на них сидели блудницы и что-то бурно обсуждали, хихикали, наверное, речи велись о клиентах.

— Девочки! — Виолетта несколько раз громко хлопнула в ладоши, девушки мигом умолкли и перевели любопытные взгляды в сторону Могины.

— Это новенькая? — неоднозначно прозвучал вопрос от одной из девиц, что была невысокого роста и с пышными формами.

— Нет, Зоя! — сухо буркнула смотрящая. — За хорошую работу я пригласила для вас гадалку!

— Ух ты! Поприветствуем ее! — Маленькие глазки Зои радостно засияли, а аура приобрела оранжевый оттенок, почти такой же, как и кудри блудницы — любопытство. Девушки тут же захлопали в ладоши и поднялись с диванов. Гера приветственно кивнула и глазами насчитала человек десять. Всем им придется рассказать о горькой судьбе и о неизбежном будущем, ведь карты гадалки никогда не врут. Однако Могила вспомнила, зачем пришла: ей непременно нужно узнать хоть что-то о серийном маньяке, поскольку пятерых мотыльков он уже отправил на ту сторону к богине Карне.

— Кто первый? — проговорила Могила.

— Можно я? — тут же ответила торопливая Зоя, а Гера в этот момент осознала, что красота воспринимается у всех по-разному, особенно у мужчин. Тут были девушки как с модельной внешностью, так и с обычной, на которых, увидев на улице, даже не подумаешь, чем они

занимаются на самом деле. Хотя ночью, во время работы, перед клиентами они предстают во всей своей женской красе. Истинно: не бывает некрасивых женщин!

— Мне нужна отдельная комната, — уверенно выдала Гера. — Карты любят тишину.

— Можно в подсобке обслуживающего персонала! — предложила Виолетта.

Вскоре хозяйка погоста сидела за столом, в маленькой с тусклым светом комнате obsługi без окон, где находилось несколько шкафов и стеллажей с различными игровыми предметами. Напротив устроилась пухленькая Зоя, аура которой все ярче сияла любопытством. Гера зажгла свечу, придав некой таинственности предстоящему ритуалу. Перетасовала карты и произнесла:

— Начнем!

ГЛАВА 9. ВАЛЕТ ДЛЯ ДАМЫ, ДАМА ДЛЯ ТУЗА

Гера всматривалась в карточный расклад, что был предназначен для Зои, и видела в нем: незавидное прошлое, еще более незавидное настоящее, а также неизбежное будущее. Блудница с замиранием сердца тихо ждала своего вердикта, ведь загадала она настоящую любовь, такую, чтоб в животе запорхали бабочки, а сердце затрепетало. Однако Могила пока для Зои не видела ничего оптимистичного.

— Ну, что там? — нарушив молчание, поторопила с ответом блудница.

— Крести говорят, что детства у вас не было, — прочистив горло кашлем, начала Могила. — Для младших брата и сестры, вы были матерью и отцом, пока родители пьянствовали. — На глазах Зои застыли слезы, она кивнула. — Пики показывают, что и настоящему не позавидуешь, ведь для того, чтобы немного заработать проституцией, вы попали в эту западню надолго. Вы в очередной раз жертвуете собой, лишь бы младшим помочь. — Блудница снова кивнула и выдала:

— Брата задержали за кражу, а я попросила Ёсю Орлика помочь ему избежать тюрьмы, ведь он там не выживет. Он больной и слабый. Теперь отрабатываю долг! — закончила Зоя, шмыгнув носом и смахнув слезу носовым платком.

— Это ваш главный? — Девушка кивнула. — Он с вами плохо обращается? — Проститутка снова закивала.

— Не будем о нем, не доведи Всевышний, кто услышит, — ответила Зоя и размахисто перекрестилась. — А что... что с будущим? Встречу ли я свою любовь и спасение?

— Конечно встретите, Зоя! В будущем вам выпал червовый король, — приветливо улыбнулась Гера, хотя на самом деле это было не так, не будет у нее никакой любви и не выпадает спасения. Братец снова оступится, сестра в очередной раз попросит помощи у хозяина и, лишь когда ее спишут на пенсию, Зоя обретет успокоение. — Но... не вот прямо сейчас. Видите восьмерку пиковой масти? — Блудница кивнула. — Она покрыла вашего короля, это обозначает, что придется запастись терпением и ждать. Возможно, после того, как отработаете долг, ваш принц появится и уведет отсюда. Об этом говорит рядом лежащая шестерка червей. — Могила старалась быть более или менее правдоподобной. Глаза блудницы засияли, ведь гадалка давала надежду на будущее вне стен дома терпимости.

— Спасибо вам, Гера, вы немного успокоили мое сердце, ведь судьба к нам — женщинам древнейшей профессии — неблагоприятна. Особенно сейчас, когда происходят эти ужасные убийства, — Зоя продолжила говорить тихо, с испугом. Оболочка блудницы в этот момент стала отражаться красными бликами, которые вызывал страх.

— Вы что-нибудь знаете об этом? — как бы невзначай Могила перешла к делу, за которым ее отправил капитан. Блудница напряглась, а ее аура совсем покраснела.

— Нет, не знаю! Но у нас есть клиенты, которые по «крейзи-меню» заказывают девочек на дом. За эти выезды платят двойную цену, однако мы даже не знаем имен этих заказчиков.

— А кто знает? — вдруг выдала Гера, а после, чтобы не вызвать подозрения, поправила себя: — Ну, я имею виду, что возможно, вам известны имена, а уж по ним я могла бы определить вашего суженного.

— К сожалению, такая информация есть только у самого хозяина борделя, — вздохнула Зоя. — Даже Виолетта не в курсе тех дел.

Гера почувствовала, что блудница говорит правду и доверяет гадалке, оттого откровенничает. Самой же Могиле было жаль девушку, но та сама выбрала этот тернистый путь, по которому ей еще шагать и шагать. Смерти Зои в карточном раскладе не было.

— Значит, никто из проходящих мужчин не уводил девочек из этих стен? — не унималась гадалка.

— Нет, это невозможно! Кто сюда приходит ночью, тот только под утро уходит отсюда с пустым кошельком и карманами, — ответила блудница и снова напряглась. — Вы точно гадалка? Не из полиции, я надеюсь?

— Ну что вы! Еще чего не хватало! — отмахнулась Могила, убрала прядь волос за ухо и, сделав недоумевающий вид, выдала: — Ждите своего принца, Зоя. Он обязательно придет! Зовите следующую!

Хозяйка погоста с каждым новым раскладом все больше убеждалась в том, что судьбы всех этих женщин одинаковые. Какую ни возьми, выпадает крестовый туз — дом терпимости, где большую часть своей жизни им придется провести. Однако никому из блудниц не выпала карта смерти. Значило ли это, что убийства прекратятся, Гера не знала. Хотя четко видела нависшую опасность над всеми девушками, что задавали один и тот же вопрос о принце, что приедет на белом кабриолете и увезет их из дома терпимости в лучшую жизнь. Гере пришлось об этом врать, ведь только когда говоришь то, что хотят услышать, можно выведать нужную информацию, не вызывая подозрения.

— Спасибо, Гера, вы смогли меня утешить! — вставая со стула, промолвила миловидная Галина. Могиле оставалось разложить карты для последней девушки борделя, исключая из списка саму смотрящую, поскольку та не верила в предсказания.

— Я рада! Пригласите последнюю! — деловито произнесла Гертруда и, собрав колоду, перемешала карты.

Вскоре в подсобное помещение прислуги неуверенно вошла девушка лет восемнадцати. Могила тут же окинула ее взглядом и чуть не расплакалась — какой юной она была. Хорошенькая, ладненькая, миловидная. Среднего роста и с длинной, до тонкой талии, толстой косой. Светловолосая. Глаза, что безоблачное небо, излучали невинность. Кожа ровная, без каких-либо изъянов. Нет, не может такой, только что распутившийся, прекрасный цветок завянуть в этом болоте. У Геры защемило сердце, но она, лишь сглотнув ком горечи, указала рукой девушке напротив присесть.

— Здравствуйте, я Руслана! — тонким голосом представилась блудница. Гера не торопилась ставить на ней позорное клеймо, поскольку аура светилась нежно-голубым цветом, что означал девственность.

— Привет, Руслана! — кивнула Гертруда. — Тебе на что или на кого погадать?

— Гадать не нужно, — уверенно ответила та.

— Тогда зачем пришла?

— За помощью! — четко выдала Руслана, и ее оболочка тут же сменила цвет на красный. Гере стало ясно, что она чего-то очень боится.

— Хорошо, но чем я могу помочь тебе, кроме как гаданием? — серьезно переспросила Могила. Будь ее воля, она не раздумывая схватила бы девчонку за руку и вывела из борделя, невзирая на охрану и смотрящую. Руслана опустила глаза и только хотела открыть рот, как за дверью послышался грубый мужской голос:

— Чего тут собрались? Ну-ка быстро по своим комнатам, сегодня ждем дорогих гостей.

— Это хозяин! — с испугом вскрикнула Руслана и задрожала всем телом.

— Где Русалка, а?

— Меня ищет, — затрепетала девушка.

— Не бойся, я заберу тебя с собой! — не удержалась Гера и, резко поднявшись, схватила Руслану за руку, та немедленно освободилась.

— Я не могу с тобой пойти, меня отец проиграл в покер! — со слезами на глазах выдала девушка.

— Что? Как такое возможно? — Гера вспыхнула гневом, словно свечка.

— Прячься, Ёся ненавидит гадалок. Это Виолетта нас немного балует, а хозяин накажет за это! — Руслана немедленно затолкала Могила в шкаф с уборочным инвентарем. Приложила к пухлым губам тонкий палец и шикнула:

— Шш-ш, сидите тихо, Виолетта вас скоро незаметно выведет из борделя! — произнесла Руслана и хлопнула створкой шкафа прямо перед носом возмущенной хозяйки погоста. Гера затихла, как только распахнулась дверь подсобки и послышались тяжелые шаги.

— Ты что тут делаешь, Русалочка? Бегом к себе в комнату, — гаркнул на девушку Ёся Орлик и встал прямо у шкафа с Гертрудой. — Сегодня вечером ты должна быть особенно хороша. За твою невинность дорого заплатили, как раз ровно половину долга твоего папаши. Ну, а остальную часть отработаешь позже! — Гера, находясь в тесном помещении, злилась от такой несправедливости. Внутри нее просыпался настоящий бунтарь. Разве так можно — ставить на кон родную дочь? Да, и о какой помощи пришла просить Руслана? Нет, Могила не могла просто так смотреть на такой беспредел, когда человека, как животное, продают за чьи-то долги. Гертруда напряглась, а после собралась выскочить из шкафа, дать по причинному месту хозяину борделя, схватить девчонку и бежать из дома терпимости к капитану, который явно мог защитить бедняжку. Как услышала:

— Я... я приготовлюсь, хозяин, — тоненько произнесла Руслана. — Только вы обещали, что отец больше никогда не тронет мою больную маму!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.